

ENGLISH LITERATURE

OSCAR WILDE
ОСКАР УАЛЬД

The Happy Prince and Other Tales
Счастливый принц и другие истории
1888

im WERDEN-VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

THE HAPPY PRINCE	4
THE NIGHTINGALE AND THE ROSE.....	14
THE SELFISH GIANT	22
THE DEVOTED FRIEND	26
THE REMARKABLE ROCKET	40

Русский текст по изданию:

Оскар Уальд. Избранное. М., Просвещение, 1990

© OCR Бычков М. Н.
Электронное издание «Im-Werden-Verlag», 2003

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

Счастливый принц. Перевод К. Чуковского	5
Соловей и роза. Перевод М. Благовещенской	15
Великан-эгоист. Перевод Т. Озерской	23
Преданный друг. Перевод Ю. Кагарлицкого	27
Замечательная ракета. Перевод Т. Озерской	41

THE HAPPY PRINCE

High above the city, on a tall column, stood the statue of the Happy Prince. He was gilded all over with thin leaves of fine gold, for eyes he had two bright sapphires, and a large red ruby glowed on his sword-hilt.

He was very much admired indeed. «He is as beautiful as a weathercock,» remarked one of the Town Councillors who wished to gain a reputation for having artistic tastes; «only not quite so useful,» he added, fearing lest people should think him unpractical, which he really was not.

«Why can't you be like the Happy Prince?» asked a sensible mother of her little boy who was crying for the moon. «The Happy Prince never dreams of crying for anything.»

«I am glad there is some one in the world who is quite happy,» muttered a disappointed man as he gazed at the wonderful statue.

«He looks just like an angel,» said the Charity Children as they came out of the cathedral in their bright scarlet cloaks and their clean white pinafores.

«How do you know?» said the Mathematical Master, «you have never seen one.»

«Ah! but we have, in our dreams,» answered the children; and the Mathematical Master frowned and looked very severe, for he did not approve of children dreaming.

One night there flew over the city a little Swallow. His friends had gone away to Egypt six weeks before, but he had stayed behind, for he was in love with the most beautiful Reed. He had met her early in the spring as he was flying down the river after a big yellow moth, and had been so attracted by her slender waist that he had stopped to talk to her.

«Shall I love you?» said the Swallow, who liked to come to the point at once, and the Reed made him a low bow. So he flew round and round her, touching the water with his wings, and making silver ripples. This was his courtship, and it lasted all through the summer.

«It is a ridiculous attachment,» twittered the other Swallows; «she has no money, and far too many relations»; and indeed the river was quite full of Reeds. Then, when the autumn came they all flew away.

After they had gone he felt lonely, and began to tire of his lady-love. «She has no conversation,» he said, «and I am afraid that she is a coquette, for she is always flirting with the wind.» And certainly, whenever the wind blew, the Reed made the most graceful curtseys. «I admit that she is domestic,» he continued, «but I love travelling, and my wife, consequently, should love travelling also.»

«Will you come away with me?» he said finally to her; but the Reed shook her head, she was so attached to her home.

«You have been trifling with me,» he cried. «I am off to the Pyramids. Good-bye!» and he flew away.

СЧАСТЛИВЫЙ ПРИНЦ

На высокой колонне, над городом, стояла статуя Счастливого Принца. Принц был покрыт сверху донизу листочками чистого золота. Вместо глаз у него были сапфиры, и крупный рубин сиял на рукоятке его шпаги.

Все восхищались Принцем.

— Он прекрасен, как флюгер-петух! — изрек Городской Советник, жаждавший прослыть за тонкого ценителя искусств. — Но, конечно, флюгер куда полезнее! — прибавил он тотчас же, опасаясь, что его обвинят в непрактичности; а уж в этом он не был повинен.

— Постарайся быть похожим на Счастливого Принца! — убеждала разумная мать своего мальчугана, который все плакал, чтобы ему дали луну. — Счастливый Принц никогда не капризничает!

— Я рад, что на свете нашелся хоть один счастливец! — пробормотал гонимый судьбой горемыка, взирая на эту прекрасную статую.

— Ах, он совсем как ангел! — восхищались Приютские Дети, толпою выходя из собора в ярко-пунцовых пелеринках и белоснежных передниках.

— Откуда вы это знаете? — возразил Учитель Математики. — Ведь ангелов вы никогда не видали.

— О, мы их видим во сне! — отозвались Приютские Дети, и Учитель Математики нахмурился и сурово взглянул на них: ему не нравилось, что дети видят сны.

Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка. Ее подруги вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник. Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком, да так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом.

— Хочешь, я полюблю тебя? — спросила Ласточка с первого слова, так как любила во всем прямоту; и Тростник поклонился ей в ответ.

Тогда Ласточка стала кружиться над ним, изредка касаясь воды и оставляя за собой на воде серебристую рябь. Так она выражала любовь. И так продолжалось все лето.

— Что за нелепая связь! — щебетали остальные ласточки. — Ведь у Тростника ни гроша за душой и целая куча родственников.

Действительно, вся эта речка густо заросла тростниками. Потом наступила осень, и ласточки улетели.

Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротою, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной.

— Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, — говорила с упреком Ласточка, — и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком.

И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется.

— Пускай он домосед, но ведь я-то люблю путешествовать, и моему мужу не мешало бы тоже любить путешествия.

— Ну что же, полетишь ты со мною? — наконец спросила она, но Тростник только головой покачал: он был так привязан к дому!

— Ах, ты играл моею любовью! — крикнула Ласточка. — Прощай же, я лечу к пирамидам! И она улетела.

All day long he flew, and at night-time he arrived at the city. «Where shall I put up?» he said; «I hope the town has made preparations.»

Then he saw the statue on the tall column.

«I will put up there,» he cried; «it is a fine position, with plenty of fresh air.» So he alighted just between the feet of the Happy Prince.

«I have a golden bedroom,» he said softly to himself as he looked round, and he prepared to go to sleep; but just as he was putting his head under his wing a large drop of water fell on him. «What a curious thing!» he cried; «there is not a single cloud in the sky, the stars are quite clear and bright, and yet it is raining. The climate in the north of Europe is really dreadful. The Reed used to like the rain, but that was merely her selfishness.»

Then another drop fell.

«What is the use of a statue if it cannot keep the rain off?» he said; «I must look for a good chimney-pot,» and he determined to fly away.

But before he had opened his wings, a third drop fell, and he looked up, and saw — Ah! what did he see?

The eyes of the Happy Prince were filled with tears, and tears were running down his golden cheeks. His face was so beautiful in the moonlight that the little Swallow was filled with pity.

«Who are you?» he said.

«I am the Happy Prince.»

«Why are you weeping then?» asked the Swallow; «you have quite drenched me.»

«When I was alive and had a human heart,» answered the statue, «I did not know what tears were, for I lived in the Palace of Sans-Souci, where sorrow is not allowed to enter. In the daytime I played with my companions in the garden, and in the evening I led the dance in the Great Hall. Round the garden ran a very lofty wall, but I never cared to ask what lay beyond it, everything about me was so beautiful. My courtiers called me the Happy Prince, and happy indeed I was, if pleasure be happiness. So I lived, and so I died. And now that I am dead they have set me up here so high that I can see all the ugliness and all the misery of my city, and though my heart is made of lead yet I cannot choose but weep.»

«What! is he not solid gold?» said the Swallow to himself. He was too polite to make any personal remarks out loud.

«Far away,» continued the statue in a low musical voice, «far away in a little street there is a poor house. One of the windows is open, and through it I can see a woman seated at a table. Her face is thin and worn, and she has coarse, red hands, all pricked by the needle, for she is a seamstress. She is embroidering passion-flowers on a satin gown for the loveliest of the Queen's maids-of-honour to wear at the next Court-ball. In a bed in the corner of the room her little boy is lying ill. He has a fever, and is asking for oranges. His mother has nothing to give him but river water, so he is crying. Swallow, Swallow, little Swallow, will you not bring her the ruby out of my sword-hilt? My feet are fastened to this pedestal and I cannot move.»

«I am waited for in Egypt,» said the Swallow. «My friends are flying up and down the Nile, and talking to the large lotus-flowers. Soon they will go to sleep in the tomb of the great King. The King is there himself in his painted coffin. He is wrapped in yellow linen, and embalmed with spices. Round his neck is a chain of pale green jade, and his hands are like withered leaves.»

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «will you not stay with me for one night, and be my messenger? The boy is so thirsty, and the mother so sad.»

Целый день летела она и к ночи прибыла в город.

«Где бы мне здесь остановиться? — задумалась Ласточка. — Надеюсь, город уже приготовился достойно встретить меня?»

Тут она увидела статую на высокой колонне.

— Вот и отлично. Я здесь и устроюсь: прекрасное место и много свежего воздуха.

И она приютилась у ног Счастливого Принца.

— У меня золотая спальня! — разнеженно сказала она, озираясь.

И она уже расположилась ко сну и спрятала головку под крыло, как вдруг на нее упала тяжелая капля.

— Как странно! — удивилась она. — На небе ни облачка. Звезды такие чистые, ясные, — откуда же взяться дождю? Климат на севере Европы просто ужасен. Мой Тростник любил дождь, но ведь он такой эгоист.

Тут упала другая капля.

— Какая же польза от статуи, если она даже от дождя не способна укрыть. Поищу-ка себе пристанища где-нибудь у трубы на крыше. — И Ласточка решила улететь.

Но не успела она расправить крылья, как упала третья капля.

Ласточка посмотрела вверх, и что же увидела она!

Глаза Счастливого Принца были наполнены слезами. Слезы катились по его золоченым щекам. И так прекрасно было его лицо в лунном сиянии, что Ласточка преисполнилась жалостью.

— Кто ты такой? — спросила она.

— Я Счастливый Принц.

— Но зачем же ты плачешь? Ты меня промочил насквозь.

— Когда я был жив и у меня было живое человеческое сердце, я не знал, что такое слезы, — ответила статуя. — Я жил во дворце Sans Souci*, куда скорби вход воспрещен. Днем я забавлялся в саду с друзьями, а вечером я танцевал в Большом Зале. Сад был окружен высокой стеной, и я ни разу не догадался спросить, что же происходит за ней. Вокруг меня все было так прекрасно! «Счастливый Принц» — величали меня приближенные, и вправду, я был счастлив, если только в наслаждениях счастье. Так я жил, так и умер. И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху, так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. И хотя сердце теперь у меня оловянное, я не могу удержаться от слез.

«А, так ты не весь золотой!» — подумала Ласточка, но, конечно, не вслух, потому что была достаточно вежлива.

— Там, далеко, в узкой улочке, я вижу убогий дом, — продолжала статуя тихим мелодическим голосом. — Одно окошко открыто, и мне видна женщина, сидящая у стола. Лицо у нее изможденное, руки огрубевшие и красные, они сплошь исколоты иглой, потому что она швея. Она вышивает страстоцветы на шелковом платье прекраснейшей из фрейлин королевы для ближайшего придворного бала. А в постельке, поближе к углу, ее больное дитя. Ее мальчик лежит в лихорадке и просит, чтобы ему дали апельсинов. Но у матери нет ничего, только речная вода. И вот этот мальчик плачет. Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Не снесешь ли ты ей рубин из моей шпаги? Ноги мои прикованы к пьедесталу, и я не в силах сдвинуться с места.

— Меня ждут не дождутся в Египте, — ответила Ласточка. — Мои подружки кружатся над Нилом и беседуют с пышными лотосами. Скоро они полетят на ночлег в усыпальницу Великого Царя. Там почивает он сам, в своем роскошном гробу. Он закутан в желтые ткани и набальзамирован благовонными травами. Шея у него обвита бледно-зеленой нефритовой цепью, а руки его как осенние листья.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка. Остайся здесь на одну только ночь и будь моей посланницей. Мальчику так хочется пить, а мать его так печальна.

* Беззаботности (фр.).

«I don't think I like boys,» answered the Swallow. «Last summer, when I was staying on the river, there were two rude boys, the miller's sons, who were always throwing stones at me. They never hit me, of course; we swallows fly far too well for that, and besides, I come of a family famous for its agility; but still, it was a mark of disrespect.»

But the Happy Prince looked so sad that the little Swallow was sorry. «It is very cold here,» he said; «but I will stay with you for one night, and be your messenger.»

«Thank you, little Swallow,» said the Prince.

So the Swallow picked out the great ruby from the Prince's sword, and flew away with it in his beak over the roofs of the town.

He passed by the cathedral tower, where the white marble angels were sculptured. He passed by the palace and heard the sound of dancing. A beautiful girl came out on the balcony with her lover. «How wonderful the stars are,» he said to her, «and how wonderful is the power of love!»

«I hope my dress will be ready in time for the State-ball,» she answered; «I have ordered passion-flowers to be embroidered on it; but the seamstresses are so lazy.»

He passed over the river, and saw the lanterns hanging to the masts of the ships. He passed over the Ghetto, and saw the old Jews bargaining with each other, and weighing out money in copper scales. At last he came to the poor house and looked in. The boy was tossing feverishly on his bed, and the mother had fallen asleep, she was so tired. In he hopped, and laid the great ruby on the table beside the woman's thimble. Then he flew gently round the bed, fanning the boy's forehead with his wings. «How cool I feel,» said the boy, «I must be getting better»; and he sank into a delicious slumber.

Then the Swallow flew back to the Happy Prince, and told him what he had done. «It is curious,» he remarked, «but I feel quite warm now, although it is so cold.»

«That is because you have done a good action,» said the Prince. And the little Swallow began to think, and then he fell asleep. Thinking always made him sleepy.

When day broke he flew down to the river and had a bath. «What a remarkable phenomenon,» said the Professor of Ornithology as he was passing over the bridge. «A swallow in winter!» And he wrote a long letter about it to the local newspaper. Every one quoted it, it was full of so many words that they could not understand.

«To-night I go to Egypt,» said the Swallow, and he was in high spirits at the prospect. He visited all the public monuments, and sat a long time on top of the church steeple. Wherever he went the Sparrows chirruped, and said to each other, «What a distinguished stranger!» so he enjoyed himself very much.

When the moon rose he flew back to the Happy Prince. «Have you any commissions for Egypt?» he cried; «I am just starting.»

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «will you not stay with me one night longer?»

«I am waited for in Egypt,» answered the Swallow. «Tomorrow my friends will fly up to the Second Cataract. The river-horse couches there among the bulrushes, and on a great granite throne sits the God Memnon. All night long he watches the stars, and when the morning star shines he utters one cry of joy, and then he is silent. At noon the yellow lions come down to the water's edge to drink. They have eyes like green beryls, and their roar is louder than the roar of the cataract.»

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «far away across the city I see a young man in a garret. He is leaning over a desk covered with papers, and in a tumbler by his side there is a bunch of withered violets. His hair is brown and crisp, and his lips are red as a

— Не очень-то мне по сердцу мальчики. Прошлым летом, когда я жила над рекою, дети мельника, злые мальчишки, всегда швыряли в меня камнями. Конечно, где им попасть! Мы, — ласточки, слишком увертливы. К тому же мои предки славились особой ловкостью, но все-таки это было очень непочтительно.

Однако Счастливый Принц был так опечален, что Ласточка пожалела его.

— Здесь очень холодно, — сказала она, — но ничего, эту ночь я останусь с тобой и выполню твое поручение.

— Благодарю тебя, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц.

И вот Ласточка выклевала большой рубин из шпаги Счастливого Принца и полетела с этим рубином над городскими крышами. Она пролетела над колокольной собора, где стоят беломраморные изваяния ангелов. Она пролетела над королевским дворцом и слышала звуки музыки. На балкон вышла красивая девушка, и с нею ее возлюбленный.

— Какое чудо эти звезды, — сказал ей возлюбленный, — и как чудесна власть любви!

— Надеюсь, мое платье поспеет к придворному балу, — ответила она. — Я велела на нем вышить страстоцветы, но швеи такие лентяйки.

Ласточка пролетела над рекою и увидела огни на корабельных мачтах. Она пролетела над Гетто и увидела старых евреев, заключавших между собою сделки и взвешивавших монеты на медных весах. И наконец она прилетела к убогому дому и заглянула туда. Мальчик метался в жару, а мать его крепко заснула — она так была утомлена. Ласточка пробралась в каморку и положила рубин на стол, рядом с наперстком швеи. Потом она стала беззвучно кружиться над мальчиком, навевая на его лицо прохладу.

— Как мне стало хорошо! — сказал ребенок. — Значит, я скоро поправлюсь. — И он впал в приятную дремоту.

А Ласточка возвратилась к Счастливому Принцу и рассказала ему обо всем.

— И странно, — заключила она свой рассказ, — хотя на дворе стужа, мне теперь нисколько не холодно.

— Это потому, что ты сделала доброе дело! — объяснил ей Счастливый Принц.

И Ласточка задумалась над этим, но тотчас же заснула. Стоило ей задуматься, и она засыпала.

На рассвете она полетела на речку купаться.

— Странное, необъяснимое явление! — сказал Профессор Орнитологии, проходивший в ту пору по мосту. — Ласточка — среди зимы!

И он напечатал об этом пространное письмо в местной газете. Все цитировали это письмо; оно было полно таких слов, которых никто не понимал.

«Сегодня же ночью — в Египет!» — подумала Ласточка, и сразу ей стало весело.

Она посетила все памятники и долго сидела на шпице соборной колокольни. Куда бы она ни явилась, воробьи принимались чирикать: «Что за чужак! Что за чужак!» — и звали ее знатной иностранкой, что было для нее чрезвычайно лестно.

Когда же взошла луна, Ласточка вернулась к Счастливому Принцу.

— Нет ли у тебя поручений в Египет? — громко спросила она. — Я сию минуту улетаю.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Останься на одну только ночь.

— Меня ожидают в Египте, — ответила Ласточка. — Завтра подруги мои полетят на вторые пороги Нила. Там в камышах лежат гиппопотамы, и на великом гранитном престоле восседает там бог Мемнон. Всю ночь он глядит на звезды, а когда засияет денница, он приветствует ее радостным кликом. В полдень желтые львы сходят к реке на водопой. Глаза их подобны зеленым бериллам, а рев их громче, чем рев водопада.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — сказал ей Счастливый Принц. — Там, далеко, за городом я вижу в мансарде юношу. Он склонился над столом, над бумагами. Перед ним в стакане увядшие фиалки. Его губы алы, как гранаты, его каштановые волосы вьются, а

pomegranate, and he has large and dreamy eyes. He is trying to finish a play for the Director of the Theatre, but he is too cold to write any more. There is no fire in the grate, and hunger has made him faint.»

«I will wait with you one night longer,» said the Swallow, who really had a good heart. «Shall I take him another ruby?»

«Alas! I have no ruby now,» said the Prince; «my eyes are all that I have left. They are made of rare sapphires, which were brought out of India a thousand years ago. Pluck out one of them and take it to him. He will sell it to the jeweller, and buy food and firewood, and finish his play.»

«Dear Prince,» said the Swallow, «I cannot do that»; and he began to weep.

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «do as I command you.»

So the Swallow plucked out the Prince's eye, and flew away to the student's garret. It was easy enough to get in, as there was a hole in the roof. Through this he darted, and came into the room. The young man had his head buried in his hands, so he did not hear the flutter of the bird's wings, and when he looked up he found the beautiful sapphire lying on the withered violets.

«I am beginning to be appreciated,» he cried; «this is from some great admirer. Now I can finish my play,» and he looked quite happy.

The next day the Swallow flew down to the harbour. He sat on the mast of a large vessel and watched the sailors hauling big chests out of the hold with ropes. «Heave a-hoy!» they shouted as each chest came up. «I am going to Egypt!» cried the Swallow, but nobody minded, and when the moon rose he flew back to the Happy Prince.

«I am come to bid you good-bye,» he cried.

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «will you not stay with me one night longer?»

«It is winter,» answered the Swallow, «and the chill snow will soon be here. In Egypt the sun is warm on the green palm-trees, and the crocodiles lie in the mud and look lazily about them. My companions are building a nest in the Temple of Baalbec, and the pink and white doves are watching them, and cooing to each other. Dear Prince, I must leave you, but I will never forget you, and next spring I will bring you back two beautiful jewels in place of those you have given away. The ruby shall be redder than a red rose, and the sapphire shall be as blue as the great sea.»

«In the square below,» said the Happy Prince, «there stands a little match-girl. She has let her matches fall in the gutter, and they are all spoiled. Her father will beat her if she does not bring home some money, and she is crying. She has no shoes or stockings, and her little head is bare. Pluck out my other eye, and give it to her, and her father will not beat her.»

«I will stay with you one night longer,» said the Swallow, «but I cannot pluck out your eye. You would be quite blind then.»

«Swallow, Swallow, little Swallow,» said the Prince, «do as I command you.»

So he plucked out the Prince's other eye, and darted down with it. He swooped past the match-girl, and slipped the jewel into the palm of her hand. «What a lovely bit of glass,» cried the little girl; and she ran home, laughing.

Then the Swallow came back to the Prince. «You are blind now,» he said, «so I will stay with you always.»

«No, little Swallow,» said the poor Prince, «you must go away to Egypt.»

«I will stay with you always,» said the Swallow, and he slept at the Prince's feet.

All the next day he sat on the Prince's shoulder, and told him stories of what he had seen in strange lands. He told him of the red ibises, who stand in long rows on the banks of

глаза его большие и мечтательные. Он торопится закончить свою пьесу для Директора Театра, но он слишком озяб, огонь догорел у него в очаге, и от голода он вот-вот лишится чувств.

— Хорошо, я останусь с тобой до утра! — сказала Ласточка Принцу. У нее было предоброе сердце. — Где же у тебя другой рубин?

— Нет у меня больше рубинов, увы! — молвил Счастливый Принц. — Мои глаза — это все, что осталось. Они сделаны из редкостных сапфиров и тысячу лет назад были привезены из Индии. Выклюй один из них и отнеси тому человеку. Он продаст его ювелиру и купит себе еды и дров и закончит свою пьесу.

— Милый Принц, я не могу сделать это! — И Ласточка стала плакать.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! Исполни волю мою!

И выклевала Ласточка у Счастливого Принца глаз и полетела к жилищу поэта. Ей было нетрудно проникнуть туда, ибо крыша была дырявая. Сквозь эту крышу и пробралась Ласточка в комнату. Юноша сидел, закрыв лицо руками, и не слышал трепетания крыльев. Только потом он заметил сапфир в кучке увядших фиалок.

— Однако меня начинают ценить! — радостно воскликнул он. — Это от какого-нибудь знатного поклонника. Теперь-то я могу закончить свою пьесу. — И счастье было на его лице.

А утром Ласточка отправилась в гавань. Она села на мачту большого корабля и стала оттуда смотреть, как матросы вытаскивают на веревках из трюма какие-то ящики.

— Дружнее! Дружнее! — кричали они, когда ящик поднимался вверх.

— Я улетаю в Египет! — сообщила им Ласточка, но на нее никто не обратил внимания.

Только вечером, когда взошла луна, Ласточка возвратилась к Принцу.

— Я пришла попрощаться с тобой! — издали закричала она.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка! — взмолился Счастливый Принц. — Не останешься ли ты до утра?

— Теперь зима, — ответила Ласточка, — и скоро здесь пойдет холодный снег. А в Египте солнце согревает зеленые листья пальм и крокодилы вытянулись в тине и лениво глядят по сторонам. Мои подруги выют уже гнезда в Баальбековом храме, а белые и розовые голуби смотрят на них и воркуют. Милый Принц, я не могу остаться, но я никогда не забуду тебя, и, когда наступит весна, я принесу тебе из Египта два драгоценных камня вместо тех, которые ты отдал. Краснее, чем красная роза, будет рубин у тебя, и сапфир голубее морской волны.

— Внизу, на площади, — сказал Счастливый Принц, — стоит маленькая девочка, которая торгует спичками. Она уронила их в канаву, они испортились, и отец ее прибьет, если она возвратится без денег. Она плачет. У нее ни башмаков, ни чулок, и голова у нее непокрыта. Выклюй другой мой глаз, отдай его девочке, и отец не побьет ее.

— Я могу остаться с тобою еще одну ночь, — ответила Ласточка, — но выклевать твой глаз не могу. Ведь тогда ты будешь совсем слепой.

— Ласточка, Ласточка, маленькая Ласточка, — молвил Счастливый Принц, — исполни волю мою!

И она выклевала у Принца второй глаз, и подлетела к девочке, и уронила ей в руку чудесный сапфир.

— Какое красивое стеклышко! — воскликнула маленькая девочка и, смеясь, побежала домой. Ласточка возвратилась к Принцу.

— Теперь, когда ты слепой, я останусь с тобой навеки.

— Нет, моя милая Ласточка, — ответил несчастный Принц, — ты должна отправиться в Египет.

— Я останусь с тобой навеки, — сказала Ласточка и уснула у его ног.

С утра целый день просидела она у него на плече и рассказывала ему о том, что видела в далеких краях: о розовых ибисах, которые длинной фалангой стоят на отмелях Нила и клювами

the Nile, and catch gold-fish in their beaks; of the Sphinx, who is as old as the world itself, and lives in the desert, and knows everything; of the merchants, who walk slowly by the side of their camels, and carry amber beads in their hands; of the King of the Mountains of the Moon, who is as black as ebony, and worships a large crystal; of the great green snake that sleeps in a palm-tree, and has twenty priests to feed it with honey-cakes; and of the pygmies who sail over a big lake on large flat leaves, and are always at war with the butterflies.

«Dear little Swallow,» said the Prince, «you tell me of marvellous things, but more marvellous than anything is the suffering of men and of women. There is no Mystery so great as Misery. Fly over my city, little Swallow, and tell me what you see there.»

So the Swallow flew over the great city, and saw the rich making merry in their beautiful houses, while the beggars were sitting at the gates. He flew into dark lanes, and saw the white faces of starving children looking out listlessly at the black streets. Under the archway of a bridge two little boys were lying in one another's arms to try and keep themselves warm. «How hungry we are!» they said. «You must not lie here,» shouted the Watchman, and they wandered out into the rain.

Then he flew back and told the Prince what he had seen.

«I am covered with fine gold,» said the Prince, «you must take it off, leaf by leaf, and give it to my poor; the living always think that gold can make them happy.»

Leaf after leaf of the fine gold the Swallow picked off, till the Happy Prince looked quite dull and grey. Leaf after leaf of the fine gold he brought to the poor, and the children's faces grew rosier, and they laughed and played games in the street. «We have bread now!» they cried.

Then the snow came, and after the snow came the frost. The streets looked as if they were made of silver, they were so bright and glistening; long icicles like crystal daggers hung down from the eaves of the houses, everybody went about in furs, and the little boys wore scarlet caps and skated on the ice.

The poor little Swallow grew colder and colder, but he would not leave the Prince, he loved him too well. He picked up crumbs outside the baker's door when the baker was not looking and tried to keep himself warm by flapping his wings.

But at last he knew that he was going to die. He had just strength to fly up to the Prince's shoulder once more. «Good-bye, dear Prince!» he murmured, «will you let me kiss your hand?»

«I am glad that you are going to Egypt at last, little Swallow,» said the Prince, «you have stayed too long here; but you must kiss me on the lips, for I love you.»

«It is not to Egypt that I am going,» said the Swallow. «I am going to the House of Death. Death is the brother of Sleep, is he not?»

And he kissed the Happy Prince on the lips, and fell down dead at his feet.

At that moment a curious crack sounded inside the statue, as if something had broken. The fact is that the leaden heart had snapped right in two. It certainly was a dreadfully hard frost.

Early the next morning the Mayor was walking in the square below in company with the Town Councillors. As they passed the column he looked up at the statue: «Dear me! how shabby the Happy Prince looks!» he said.

«How shabby indeed!» cried the Town Councillors, who always agreed with the Mayor; and they went up to look at it.

«The ruby has fallen out of his sword, his eyes are gone, and he is golden no longer,» said the Mayor in fact, «he is little better than a beggar!»

вылавливают золотых рыбок; о Сфинксе, старом как мир, живущем в пустыне и знающем все; о купцах, которые медленно шествуют рядом со своими верблюдами и перебирают янтарные четки; о Царе Лунных гор, который черен, как черное дерево, и поклоняется большому осколку хрусталя; о великом Зеленом Змее, спящем в пальмовом дереве, где двадцать жрецов кормят его медовыми пряниками; о пигмеях, что плавают по озеру на плоских широких листьях и вечно сражаются с бабочками.

— Милая Ласточка, — отозвался Счастливый Принц, — все, о чем ты говоришь, удивительно. Но самое удивительное в мире — это людские страдания. Где ты найдешь им разгадку? Облети же мой город, милая Ласточка, и расскажи мне обо всем, что увидишь.

И Ласточка пролетела над всем огромным городом, и она видела, как в пышных палатах ликуют богатые, а бедные сидят у их порогов. В темных закоулках побывала она и видела бледные лица истощенных детей, печально глядящих на черную улицу. Под мостом два маленьких мальчика лежали обнявшись, стараясь согреть друг друга.

— Нам хочется есть! — повторяли они.

— Здесь не полагается валяться! — закричал Полицейский.

И снова они вышли под дождь.

Ласточка возвратилась к Принцу и поведала все, что видела.

— Я весь позолоченный, — сказал Счастливый Принц. — Сними с меня золото, листок за листком, и раздай его бедным. Люди думают, что в золоте счастье.

Листок за листком Ласточка снимала со статуи золото, покуда Счастливый Принц не сделался тусклым и серым. Листок за листком раздавала она его чистое золото бедным, и детские щеки розовели, и дети начинали смеяться и затевали на улицах игры.

— А у нас есть хлеб! — кричали они.

Потом выпал снег, а за снегом пришел и мороз. Улицы засеребрились и стали сверкать; сосульки, как хрустальные кинжалы, повисли на крышах домов; все закуталось в шубы, и мальчики в красных шапочках катались по льду на коньках.

Ласточка, бедная, зябла и мерзла, но не хотела покинуть Принца, так как очень любила его. Она украдкой подбирала у булочной крошки и хлопала крыльями, чтобы согреться. Но наконец она поняла, что настало время умирать. Только и хватило у нее силы — в последний раз взобраться Принцу на плечо.

— Прощай, милый Принц! — прошептала она. — Ты позволишь мне поцеловать твою руку?

— Я рад, что ты наконец улетаешь в Египет, — ответил Счастливый Принц. — Ты слишком долго здесь оставалась; но ты должна поцеловать меня в губы, потому что я люблю тебя.

— Не в Египет я улетаю, — ответила Ласточка. — Я улетаю в Обитель Смерти. Смерть и Сон не родные ли братья?

И она поцеловала Счастливого Принца в уста и упала мертвая к его ногам.

И в ту же минуту странный треск раздался у статуи внутри, словно что-то разорвалось. Это расколосось оловянное сердце. Воистину был жестокий мороз.

Рано утром внизу на бульваре гулял Мэр Города, а с ним Городские Советники. Проходя мимо колонны Принца, Мэр посмотрел на статую.

— Боже! Какой стал оборвыш этот Счастливый Принц! — воскликнул Мэр.

— Именно, именно оборвыш! — подхватили Городские Советники, которые всегда во всем соглашались с Мэром. И они приблизились к статуе, чтобы осмотреть ее.

— Рубина уже нет в его шпаге, глаза его выпали, и позолота с него сошла, — продолжал Мэр. — Он хуже любого нищего!

«Little better than a beggar,» said the Town Councillors.

«And here is actually a dead bird at his feet!» continued the Mayor. «We must really issue a proclamation that birds are not to be allowed to die here.» And the Town Clerk made a note of the suggestion.

So they pulled down the statue of the Happy Prince. «As he is no longer beautiful he is no longer useful,» said the Art Professor at the University.

Then they melted the statue in a furnace, and the Mayor held a meeting of the Corporation to decide what was to be done with the metal. «We must have another statue, of course,» he said, «and it shall be a statue of myself.»

«Of myself,» said each of the Town Councillors, and they quarrelled. When I last heard of them they were quarrelling still.

«What a strange thing!» said the overseer of the workmen at the foundry. «This broken lead heart will not melt in the furnace. We must throw it away.» So they threw it on a dust-heap where the dead Swallow was also lying.

«Bring me the two most precious things in the city,» said God to one of His Angels; and the Angel brought Him the leaden heart and the dead bird.

«You have rightly chosen,» said God, «for in my garden of Paradise this little bird shall sing for evermore, and in my city of gold the Happy Prince shall praise me.»

THE NIGHTINGALE AND THE ROSE

«She said that she would dance with me if I brought her red roses,» cried the young Student; «but in all my garden there is no red rose.»

From her nest in the holm-oak tree the Nightingale heard him, and she looked out through the leaves, and wondered.

«No red rose in all my garden!» he cried, and his beautiful eyes filled with tears. «Ah, on what little things does happiness depend! I have read all that the wise men have written, and all the secrets of philosophy are mine, yet for want of a red rose is my life made wretched.»

«Here at last is a true lover,» said the Nightingale. «Night after night have I sung of him, though I knew him not: night after night have I told his story to the stars, and now I see him. His hair is dark as the hyacinth-blossom, and his lips are red as the rose of his desire; but passion has made his face like pale ivory, and sorrow has set her seal upon his brow.»

«The Prince gives a ball to-morrow night,» murmured the young Student, «and my love will be of the company. If I bring her a red rose she will dance with me till dawn. If I bring her a red rose, I shall hold her in my arms, and she will lean her head upon my shoulder, and her hand will be clasped in mine. But there is no red rose in my garden, so I shall sit lonely, and she will pass me by. She will have no heed of me, and my heart will break.»

«Here indeed is the true lover,» said the Nightingale. «What I sing of, he suffers — what is joy to me, to him is pain. Surely Love is a wonderful thing. It is more precious than emeralds, and dearer than fine opals. Pearls and pomegranates cannot buy it, nor is it set forth in the marketplace. It may not be purchased of the merchants, nor can it be weighed out in the balance for gold.»

«The musicians will sit in their gallery,» said the young Student, «and play upon their stringed instruments, and my love will dance to the sound of the harp and the violin. She will

— Именно хуже нищего! — подтвердили Городские Советники.

— А у ног его валяется какая-то мертвая птица. Нам следовало бы издать постановление: птицам здесь умирать воспрещается.

И Секретарь городского совета тотчас же занес это предложение в книгу.

И свергли статую Счастливого Принца.

— В нем уже нет красоты, а стало быть, нет и пользы! — говорил в Университете Профессор Эстетики.

И расплавили статую в горне, и созвал Мэр городской совет, и решили, что делать с металлом.

— Сделаем новую статую! — предложил Мэр. — И эта новая статуя пусть изображает меня!

— Меня! — сказал каждый советник, и все они стали ссориться.

Недавно мне довелось слышать о них: они и сейчас еще ссорятся.

— Удивительно! — сказал Главный Литейщик. — Это разбитое оловянное сердце не хочет расплавляться в печи. Мы должны выбросить его прочь.

И швырнули его в кучу сора, где лежала мертвая Ласточка. И повелел Господь ангелу своему:

— Принеси мне самое ценное, что ты найдешь в этом городе. И принес ему ангел оловянное сердце и мертвую птицу.

— Правильно ты выбрал, — сказал Господь. — Ибо в моих райских садах эта малая пташка будет петь во веки веков, а в моем сияющем чертоге Счастливый Принц будет воздавать мне хвалу.

Соловей и роза

— Она сказала, что будет танцевать со мной, если я принесу ей красных роз, — воскликнул молодой Студент, — но в моем саду нет ни одной красной розы.

Его услышал Соловей, в своем гнезде на Дубе, и, удивленный, выглянул из листвы.

— Ни единой красной розы во всем моем саду! — продолжал сетовать Студент, и его прекрасные глаза наполнились слезами. — Ах, от каких пустяков зависит порою счастье! Я прочел все, что написали мудрые люди, я постиг все тайны философии, — а жизнь моя разбита из-за того только, что у меня нет красной розы.

— Вот он наконец-то, настоящий влюбленный, — сказал себе Соловей. — Ночь за ночью я пел о нем, хотя и не знал его, ночь за ночью я рассказывал о нем звездам, и наконец я увидел его. Его волосы темны, как темный гиацинт, а губы его красны, как та роза, которую он ищет; но страсть сделала его лицо бледным, как слоновая кость, и скорбь наложила печать на его чело.

— Завтра вечером принц дает бал, — шептал молодой Студент, — и моя милая приглашена. Если я принесу ей красную розу, она будет танцевать со мной до рассвета. Если я принесу ей красную розу, я буду держать ее в своих объятиях, она склонит голову ко мне на плечо, и моя рука будет сжимать ее руку. Но в моем саду нет красной розы, и мне придется сидеть в одиночестве, а она пройдет мимо. Она даже не взглянет на меня, и сердце мое разорвется от горя.

— Это настоящий влюбленный, — сказал Соловей. — То, о чем я лишь пел, он переживает на деле; что для меня радость, то для него страдание. Воистину любовь — это чудо. Она драгоценнее изумруда и дороже прекраснейшего опала. Жемчуга и гранаты не могут купить ее, и она не выставляется на рынке. Ее не приторгуешь в лавке и не выменяешь на золото.

— На хорах будут сидеть музыканты, — продолжал молодой Студент. — Они будут играть на арфах и скрипках, и моя милая будет танцевать под звуки струн. Она будет носиться по зале

dance so lightly that her feet will not touch the floor, and the courtiers in their gay dresses will throng round her. But with me she will not dance, for I have no red rose to give her»; and he flung himself down on the grass, and buried his face in his hands, and wept.

«Why is he weeping?» asked a little Green Lizard, as he ran past him with his tail in the air.

«Why, indeed?» said a Butterfly, who was fluttering about after a sunbeam.

«Why, indeed?» whispered a Daisy to his neighbour, in a soft, low voice.

«He is weeping for a red rose,» said the Nightingale.

«For a red rose?» they cried; «how very ridiculous!» and the little Lizard, who was something of a cynic, laughed outright.

But the Nightingale understood the secret of the Student's sorrow, and she sat silent in the oak-tree, and thought about the mystery of Love.

Suddenly she spread her brown wings for flight, and soared into the air. She passed through the grove like a shadow, and like a shadow she sailed across the garden.

In the centre of the grass-plot was standing a beautiful Rose-tree, and when she saw it she flew over to it, and lit upon a spray.

«Give me a red rose,» she cried, «and I will sing you my sweetest song.»

But the Tree shook its head.

«My roses are white,» it answered; «as white as the foam of the sea, and whiter than the snow upon the mountain. But go to my brother who grows round the old sun-dial, and perhaps he will give you what you want.»

So the Nightingale flew over to the Rose-tree that was growing round the old sun-dial.

«Give me a red rose,» she cried, «and I will sing you my sweetest song.»

But the Tree shook its head.

«My roses are yellow,» it answered; «as yellow as the hair of the mermaid who sits upon an amber throne, and yellower than the daffodil that blooms in the meadow before the mower comes with his scythe. But go to my brother who grows beneath the Student's window, and perhaps he will give you what you want.»

So the Nightingale flew over to the Rose-tree that was growing beneath the Student's window.

«Give me a red rose,» she cried, «and I will sing you my sweetest song.»

But the Tree shook its head.

«My roses are red,» it answered, «as red as the feet of the dove, and redder than the great fans of coral that wave and wave in the ocean-cavern. But the winter has chilled my veins, and the frost has nipped my buds, and the storm has broken my branches, and I shall have no roses at all this year.»

«One red rose is all I want,» cried the Nightingale, «only one red rose! Is there no way by which I can get it?»

«There is away,» answered the Tree; «but it is so terrible that I dare not tell it to you.»

«Tell it to me,» said the Nightingale, «I am not afraid.»

«If you want a red rose,» said the Tree, «you must build it out of music by moonlight, and stain it with your own heart's-blood. You must sing to me with your breast against a thorn. All night long you must sing to me, and the thorn must pierce your heart, and your life-blood must flow into my veins, and become mine.»

«Death is a great price to pay for a red rose,» cried the Nightingale, «and Life is very dear to all. It is pleasant to sit in the green wood, and to watch the Sun in his chariot of gold, and the Moon in her chariot of pearl. Sweet is the scent of the hawthorn, and sweet are the bluebells that hide in the valley, and the heather that blows on the hill. Yet Love is better than Life, and what is the heart of a bird compared to the heart of a man?»

с такой легкостью, что ноги ее не коснутся паркета, и вокруг нее будут толпиться придворные в расшитых одеждах. Но со мной она не захочет танцевать, потому что у меня нет для нее красной розы.

И юноша упал ничком на траву, закрыл лицо руками и заплакал.

— О чем он плачет? — спросила маленькая зеленая Ящерица, которая проползала мимо него, помахивая хвостиком.

— Да, в самом деле, о чем? — подхватила Бабочка, порхавшая в погоне за солнечным лучом.

— О чем? — спросила Маргаритка нежным шепотом свою соседку.

— Он плачет о красной розе, — ответил Соловей.

— О красной розе! — воскликнули все. — Ах, как смешно!

А маленькая Ящерица, несколько склонная к цинизму, беззастенчиво расхохоталась.

Один только Соловей понимал страдания Студента, он тихо сидел на Дубе и думал о таинстве любви.

Но вот он расправил свои темные крылышки и взвился в воздух. Он пролетел над рощей, как тень, и, как тень, пронесся над садом.

Посреди зеленой лужайки стоял пышный Розовый Куст. Соловей увидел его, подлетел к нему и спустился на одну из его веток.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы белые, — ответил он, — они белы, как морская пена, они белее снега на горных вершинах. Поди к моему брату, что растет возле старых солнечных часов, — может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос возле старых солнечных часов.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы желтые, — ответил он, — они желты, как волосы сирены, сидящей на янтарном престоле, они желтее златоцвета на нескошенном лугу. Поди к моему брату, что растет под окном у Студента, может быть, он даст тебе то, чего ты просишь.

И Соловей полетел к Розовому Кусту, что рос под окном у Студента.

— Дай мне красную розу, — воскликнул он, — и я спою тебе свою лучшую песню!

Но Розовый Куст покачал головой.

— Мои розы красные, — ответил он, — они красны, как лапки голубя, они краснее кораллов, что колышутся, как веер, в пещерах на дне океана. Но кровь в моих жилах застыла от зимней стужи, мороз побил мои почки, буря поломала мои ветки, и в этом году у меня совсем не будет роз.

— Одну только красную розу — вот все, чего я прошу, — воскликнул Соловей. — Единственную красную розу! Знаешь ты способ получить ее?

— Знаю, — ответил Розовый Куст, — но он так страшен, что у меня не хватает духу открыть его тебе.

— Открой мне его, — попросил Соловей, — я не боюсь.

— Если ты хочешь получить красную розу, — молвил Розовый Куст, — ты должен сам создать ее из звуков песни при лунном сиянии, и ты должен обогреть ее кровью сердца. Ты должен петь мне, прижавшись грудью к моему шипу. Всю ночь ты должен мне петь, и мой шип пронзит твое сердце, и твоя живая кровь перельется в мои жилы и станет моею кровью.

— Смерть — дорогая цена за красную розу, — воскликнул Соловей. — Жизнь мила каждому! Как хорошо, сидя в лесу, любоваться солнцем в золотой колеснице и луною в колеснице из жемчуга. Сладко благоухание боярышника, милы синие колокольчики в долине и вереск, цветущий на холмах. Но Любовь дороже Жизни, и сердце какой-то пташки — ничто в сравнении с человеческим сердцем!

So she spread her brown wings for flight, and soared into the air. She swept over the garden like a shadow, and like a shadow she sailed through the grove.

The young Student was still lying on the grass, where she had left him, and the tears were not yet dry in his beautiful eyes.

«Be happy,» cried the Nightingale, «be happy; you shall have your red rose. I will build it out of music by moonlight, and stain it with my own heart's-blood. All that I ask of you in return is that you will be a true lover, for Love is wiser than Philosophy, though she is wise, and mightier than Power, though he is mighty. Flame — coloured are his wings, and coloured like flame is his body. His lips are sweet as honey, and his breath is like frankincense.»

The Student looked up from the grass, and listened, but he could not understand what the Nightingale was saying to him, for he only knew the things that are written down in books.

But the Oak-tree understood, and felt sad, for he was very fond of the little Nightingale who had built her nest in his branches.

«Sing me one last song,» he whispered; «I shall feel very lonely when you are gone.»

So the Nightingale sang to the Oak-tree, and her voice was like water bubbling from a silver jar.

When she had finished her song the Student got up, and pulled a note-book and a lead-pencil out of his pocket.

«She has form,» he said to himself, as he walked away through the grove — «that cannot be denied to her; but has she got feeling? I am afraid not. In fact, she is like most artists; she is all style, without any sincerity. She would not sacrifice herself for others. She thinks merely of music, and everybody knows that the arts are selfish. Still, it must be admitted that she has some beautiful notes in her voice. What a pity it is that they do not mean anything, or do any practical good.» And he went into his room, and lay down on his little pallet-bed, and began to think of his love; and, after a time, he fell asleep.

And when the Moon shone in the heavens the Nightingale flew to the Rose-tree, and set her breast against the thorn. All night long she sang with her breast against the thorn, and the cold crystal Moon leaned down and listened. All night long she sang, and the thorn went deeper and deeper into her breast, and her life-blood ebbed away from her.

She sang first of the birth of love in the heart of a boy and a girl. And on the top-most spray of the Rose-tree there blossomed a marvellous rose, petal following petal, as song followed song. Pale was it, at first, as the mist that hangs over the river — pale as the feet of the morning, and silver as the wings of the dawn. As the shadow of a rose in a mirror of silver, as the shadow of a rose in a water-pool, so was the rose that blossomed on the topmost spray of the Tree.

But the Tree cried to the Nightingale to press closer against the thorn. «Press closer, little Nightingale,» cried the Tree, «or the Day will come before the rose is finished.»

So the Nightingale pressed closer against the thorn, and louder and louder grew her song, for she sang of the birth of passion in the soul of a man and a maid.

And a delicate flush of pink came into the leaves of the rose, like the flush in the face of the bridegroom when he kisses the lips of the bride. But the thorn had not yet reached her heart, so the rose's heart remained white, for only a Nightingale's heart's-blood can crimson the heart of a rose.

And the Tree cried to the Nightingale to press closer against the thorn. «Press closer, little Nightingale,» cried the Tree, «or the Day will come before the rose is finished.»

И, взмахнув своими темными крылышками, Соловей взвился в воздух. Он пронесся над садом, как тень, и, как тень, пролетел над рощей.

А Студент все еще лежал в траве, где его оставил Соловей, и слезы еще не высохли в его прекрасных глазах.

— Радуйся! — крикнул ему Соловей. — Радуйся, будет у тебя красная роза. Я создам ее из звуков моей песни при лунном сиянии и обагрю ее горячей кровью своего сердца. В награду я прошу у тебя одного: будь верен своей любви, ибо, как ни мудра Философия, в Любви больше Мудрости, чем в Философии, — и как ни могущественна Власть, Любовь сильнее любой Власти. У нее крылья цвета пламени, и пламенем окрашено тело ее. Уста ее сладки, как мед, а дыхание подобно ладану.

Студент привстал на локтях и слушал, но он не понял того, что говорил ему Соловей; ибо он знал только то, что написано в книгах.

А Дуб понял и опечалился, потому что очень любил эту малую пташку, которая свила себе гнездышко в его ветвях.

— Спой мне в последний раз твою песню, — прошептал он. — Я буду сильно тосковать, когда тебя не станет.

И Соловей стал петь Дубу, и пение его напоминало журчание воды, льющейся из серебряного кувшина.

Когда Соловей кончил петь, Студент поднялся с травы, вынул из кармана карандаш и записную книжку и сказал себе, направляясь домой из рощи:

— Да, он мастер формы, это у него отнять нельзя. Но есть ли у него чувство? Боюсь, что нет. В сущности, он подобен большинству художников: много виртуозности и ни капли искренности. Он никогда не принесет себя в жертву другому. Он думает лишь о музыке, а всякий знает, что искусство эгоистично. Впрочем, нельзя не признать, что иные из его трелей удивительно красивы. Жаль только, что в них нет никакого смысла и они лишены практического значения.

И он пошел к себе в комнату, лег на узкую койку и стал думать о своей любви; вскоре он погрузился в сон.

Когда на небе засияла луна, Соловей прилетел к Розовому Кусту, сел к нему на ветку и прижался к его шипу. Всю ночь он пел, прижавшись грудью к шипу, и холодная хрустальная луна слушала, склонив свой лик. Всю ночь он пел, а шип вонзался в его грудь все глубже и глубже, и из нее по каплям сочилась теплая кровь.

Сперва он пел о том, как прокрадывается любовь в сердце мальчика и девочки. И на Розовом Кусте, на самом верхнем побеге, начала распускаться великолепная роза. Песня за песней — лепесток за лепестком. Сперва роза была бледная, как легкий туман над рекою, — бледная, как стопы зари, и серебристая, как крылья рассвета. Отражение розы в серебряном зеркале, отражение розы в недвижной воде — вот какова была роза, расцветавшая на верхнем побеге Куста.

А Куст кричал Соловью, чтобы тот еще крепче прижался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалееет роза!

Все крепче и крепче прижимался Соловей к шипу, и песня его звучала все громче и громче, ибо он пел о зарождении страсти в душе мужчины и девушки.

И лепестки розы окрасились нежным румянцем, как лицо жениха, когда он целует в губы свою невесту. Но шип еще не проник в сердце Соловья, и сердце розы оставалось белым, ибо только живая кровь соловьиного сердца может обагрить сердце розы.

Опять Розовый Куст крикнул Соловью, чтобы тот крепче прижался к шипу.

— Крепче прижмись ко мне, милый Соловушка, не то день придет раньше, чем заалееет роза!

So the Nightingale pressed closer against the thorn, and the thorn touched her heart, and a fierce pang of pain shot through her. Bitter, bitter was the pain, and wilder and wilder grew her song, for she sang of the Love that is perfected by Death, of the Love that dies not in the tomb.

And the marvellous rose became crimson, like the rose of the eastern sky. Crimson was the girdle of petals, and crimson as a ruby was the heart.

But the Nightingale's voice grew fainter, and her little wings began to beat, and a film came over her eyes. Fainter and fainter grew her song, and she felt something choking her in her throat.

Then she gave one last burst of music. The white Moon heard it, and she forgot the dawn, and lingered on in the sky. The red rose heard it, and it trembled all over with ecstasy, and opened its petals to the cold morning air. Echo bore it to her purple cavern in the hills, and woke the sleeping shepherds from their dreams. It floated through the reeds of the river, and they carried its message to the sea.

«Look, look!» cried the Tree, «the rose is finished now»; but the Nightingale made no answer, for she was lying dead in the long grass, with the thorn in her heart.

And at noon the Student opened his window and looked out.

«Why, what a wonderful piece of luck!» he cried; «here is a red rose! I have never seen any rose like it in all my life. It is so beautiful that I am sure it has a long Latin name»; and he leaned down and plucked it.

Then he put on his hat, and ran up to the Professor's house with the rose in his hand.

The daughter of the Professor was sitting in the doorway winding blue silk on a reel, and her little dog was lying at her feet.

«You said that you would dance with me if I brought you a red rose,» cried the Student. «Here is the reddest rose in all the world. You will wear it to-night next your heart, and as we dance together it will tell you how I love you.»

But the girl frowned.

«I am afraid it will not go with my dress,» she answered; «and, besides, the Chamberlain's nephew has sent me some real jewels, and everybody knows that jewels cost far more than flowers.»

«Well, upon my word, you are very ungrateful,» said the Student angrily; and he threw the rose into the street, where it fell into the gutter, and a cart-wheel went over it.

«Ungrateful!» said the girl. «I tell you what, you are very rude; and, after all, who are you? Only a Student. Why, I don't believe you have even got silver buckles to your shoes as the Chamberlain's nephew has»; and she got up from her chair and went into the house.

«What a silly thing Love is,» said the Student as he walked away. «It is not half as useful as Logic, for it does not prove anything, and it is always telling one of things that are not going to happen, and making one believe things that are not true. In fact, it is quite unpractical, and, as in this age to be practical is everything, I shall go back to Philosophy and study Metaphysics.»

So he returned to his room and pulled out a great dusty book, and began to read.

Соловей еще сильнее прижался к шипу, и острое коснулось наконец его сердца, и все тело его вдруг пронзила жестокая боль. Все мучительнее и мучительнее становилась боль, все громче и громче раздавалось пенье Соловья, ибо он пел о Любви, которая обретает совершенство в Смерти, о той Любви, которая не умирает в могиле.

И стала алой великолепная роза, подобно утренней заре на востоке. Алым стал ее венчик, и алым, как рубин, стало ее сердце.

А голос Соловья все слабел и слабел, и вот крылышки его судорожно затрепыхались, а глазки заволокло туманом. Песня его замирала, и он чувствовал, как что-то сжимает его горло.

Но вот он испустил свою последнюю трель. Бледная луна услышала ее и, забыв о рассвете, застыла на небе. Красная роза услышала ее и, вся затрепетав в экстазе, раскрыла свои лепестки навстречу прохладному дуновению утра. Эхо понесло эту трель к своей багряной пещере в горах и разбудило спавших там пастухов. Трель прокатилась по речным камышам, и те отдали ее морю.

— Смотри! — воскликнул Куст. — Роза стала красной! Но Соловей ничего не ответил. Он лежал мертвый в высокой траве, и в сердце у него был острый шип.

В полдень Студент распахнул окно и выглянул в сад.

— Ах, какое счастье! — воскликнул он. — Вот она, красная роза. В жизни не видал такой красивой розы! У нее, наверное, какое-нибудь длинное латинское название.

И он высунулся из окна и сорвал ее.

Потом он взял шляпу и побежал к Профессору, держа розу в руках.

Профессорская дочь сидела у порога и наматывала голубой шелк на катушку. Маленькая собачка лежала у нее в ногах.

— Вы обещали, что будете со мной танцевать, если я принесу вам красную розу! — воскликнул Студент. — Вот самая красная роза на свете. Приколите ее вечером поближе к сердцу, и, когда мы будем танцевать, она расскажет вам, как я люблю вас.

Но девушка нахмурилась.

— Боюсь, что эта роза не подойдет к моему туалету, — ответила она. — К тому же племянник камергера прислал мне настоящие каменья, а всякому известно, что каменья куда дороже цветов.

— Как вы неблагодарны! — с горечью сказал Студент и бросил розу на землю.

Роза упала в колею, и ее раздавило колесом телеги.

— Неблагодарна? — повторила девушка. — Право же, какой вы грубиян! Да и кто вы такой, в конце концов? Всего-навсего студент. Не думаю, чтоб у вас были такие серебряные пряжки к туфлям, как у камергерова племянника.

И она встала с кресла и ушла в комнаты.

— Какая глупость — эта Любовь, — размышлял Студент, возвращаясь домой. — В ней и наполовину нет той пользы, какая есть в Логике. Она ничего не доказывает, всегда обещает несбыточное и заставляет верить в невозможное. Она удивительно непрактична, и так как наш век — век практический, то вернусь я лучше к Философии и буду изучать Метафизику.

И он вернулся к себе в комнату, вытащил большую запыленную книгу и принялся ее читать.

THE SELFISH GIANT

Every afternoon, as they were coming from school, the children used to go and play in the Giant's garden.

It was a large lovely garden, with soft green grass. Here and there over the grass stood beautiful flowers like stars, and there were twelve peach-trees that in the spring-time broke out into delicate blossoms of pink and pearl, and in the autumn bore rich fruit. The birds sat on the trees and sang so sweetly that the children used to stop their games in order to listen to them. «How happy we are here!» they cried to each other.

One day the Giant came back. He had been to visit his friend the Cornish ogre, and had stayed with him for seven years. After the seven years were over he had said all that he had to say, for his conversation was limited, and he determined to return to his own castle. When he arrived he saw the children playing in the garden.

«What are you doing here?» he cried in a very gruff voice, and the children ran away.

«My own garden is my own garden,» said the Giant; «any one can understand that, and I will allow nobody to play in it but myself.» So he built a high wall all round it, and put up a notice-board.

TRESPASSERS WILL BE PROSECUTED

He was a very selfish Giant.

The poor children had now nowhere to play. They tried to play on the road, but the road was very dusty and full of hard stones, and they did not like it. They used to wander round the high wall when their lessons were over, and talk about the beautiful garden inside. «How happy we were there,» they said to each other.

Then the Spring came, and all over the country there were little blossoms and little birds. Only in the garden of the Selfish Giant it was still winter. The birds did not care to sing in it as there were no children, and the trees forgot to blossom. Once a beautiful flower put its head out from the grass, but when it saw the notice-board it was so sorry for the children that it slipped back into the ground again, and went off to sleep. The only people who were pleased were the Snow and the Frost. «Spring has forgotten this garden,» they cried, «so we will live here all the year round.» The Snow covered up the grass with her great white cloak, and the Frost painted all the trees silver. Then they invited the North Wind to stay with them, and he came. He was wrapped in furs, and he roared all day about the garden, and blew the chimney-pots down. «This is a delightful spot,» he said, «we must ask the Hail on a visit.» So the Hail came. Every day for three hours he rattled on the roof of the castle till he broke most of the slates, and then he ran round and round the garden as fast as he could go. He was dressed in grey, and his breath was like ice.

«I cannot understand why the Spring is so late in coming,» said the Selfish Giant, as he sat at the window and looked out at his cold white garden; «I hope there will be a change in the weather.»

But the Spring never came, nor the Summer. The Autumn gave golden fruit to every garden, but to the Giant's garden she gave none. «He is too selfish,» she said. So it was always Winter there, and the North Wind, and the Hail, and the Frost, and the Snow danced about through the trees.

Великан-эгоист

Каждый день, возвращаясь из школы, дети, как повелось, заходили в сад Великана поиграть. Это был большой красивый сад, и трава там была зеленая и мягкая. Из травы тут и там, словно звезды, выглядывали венчики прекрасных цветов, а двенадцать персиковых деревьев, которые росли в этом саду, весной покрывались нежным жемчужно-розовым цветом, а осенью приносили сочные плоды. На деревьях сидели птицы и пели так сладко, что дети бросали игры, чтобы послушать их пение.

— Как хорошо нам здесь! — радостно кричали дети друг другу.

Но вот однажды Великан вернулся домой. Он навещал своего приятеля — корнуэльского Великана-людоеда и пробыл у него в гостях семь лет. За семь лет он успел поговорить обо всем, о чем ему хотелось поговорить, ибо был не слишком словоохотлив, после чего решил возвратиться в свой замок, а возвратившись, увидел детей, которые играли у него в саду.

— Что вы тут делаете? — закричал он страшным голосом, и дети разбежались.

— Мой сад — это мой сад, — сказал Великан, — и каждому это должно быть ясно, и, уж конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть. — И он обнес свой сад высокой стеной и прибил объявление:

ВХОД ВОСПРЕЩЕН НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ

Он был большим эгоистом, этот Великан.

Бедным детям теперь негде было играть. Они попробовали поиграть на дороге, но там оказалось очень много острых камней и пыли, и им не понравилось там играть. Теперь после школы они обычно бродили вокруг высокой стены и вспоминали прекрасный сад, который за ней скрывался.

— Как хорошо нам было там, — говорили они друг другу.

А потом пришла Весна, и повсюду на деревьях появились маленькие почки и маленькие птички, и только в саду Великана-эгоиста по-прежнему была Зима. Птицы не хотели распевать там своих песен, потому что в саду не было детей, а деревья забыли, что им пора цвести. Как-то раз один хорошенький цветочек выглянул из травы, но увидел объявление и так огорчился за детей, что тут же спрятался обратно в землю и заснул. Только Снегу и Морозу все это очень пришлось по душе.

— Весна позабыла прийти в этот сад, — воскликнули они, — и мы теперь будем царить здесь круглый год!

Снег покрыл траву своим толстым белым плащом, а Мороз расписал все деревья серебряной краской. После этого Снег и Мороз пригласили к себе в гости Северный Ветер, и он прилетел. С головы до пят он был закутан в меха и целый день бушевал в саду и завывал в печной трубе.

— Какое восхитительное местечко! — сказал Северный Ветер. — Мы должны пригласить в гости Град.

И тогда явился и Град. Изю дня в день он часами стучал по кровле замка, пока не перебил почти всей черепицы, а потом что было мочи носился по саду. На нем были серые одежды, а дыхание его было ледяным.

— Не понимаю, почему так запаздывает Весна, пора бы уж ей прийти, — сказал Великан-эгоист, сидя у окна и поглядывая на свой холодный, белый сад. — Надеюсь, погода скоро переменится.

Но Весна так и не пришла, не пришло и Лето. Осень принесла золотые плоды в каждый сад, но даже не заглянула в сад Великана.

One morning the Giant was lying awake in bed when he heard some lovely music. It sounded so sweet to his ears that he thought it must be the King's musicians passing by. It was really only a little linnets singing outside his window, but it was so long since he had heard a bird sing in his garden that it seemed to him to be the most beautiful music in the world. Then the Hail stopped dancing over his head, and the North Wind ceased roaring, and a delicious perfume came to him through the open casement. «I believe the Spring has come at last,» said the Giant; and he jumped out of bed and looked out.

What did he see?

He saw a most wonderful sight. Through a little hole in the wall the children had crept in, and they were sitting in the branches of the trees. In every tree that he could see there was a little child. And the trees were so glad to have the children back again that they had covered themselves with blossoms, and were waving their arms gently above the children's heads. The birds were flying about and twittering with delight, and the flowers were looking up through the green grass and laughing. It was a lovely scene, only in one corner it was still winter. It was the farthest corner of the garden, and in it was standing a little boy. He was so small that he could not reach up to the branches of the tree, and he was wandering all round it, crying bitterly. The poor tree was still quite covered with frost and snow, and the North Wind was blowing and roaring above it. «Climb up! little boy,» said the Tree, and it bent its branches down as low as it could; but the boy was too tiny.

And the Giant's heart melted as he looked out. «How selfish I have been!» he said; «now I know why the Spring would not come here. I will put that poor little boy on the top of the tree, and then I will knock down the wall, and my garden shall be the children's playground for ever and ever.» He was really very sorry for what he had done.

So he crept downstairs and opened the front door quite softly, and went out into the garden. But when the children saw him they were so frightened that they all ran away, and the garden became winter again. Only the little boy did not run, for his eyes were so full of tears that he did not see the Giant coming. And the Giant stole up behind him and took him gently in his hand, and put him up into the tree. And the tree broke at once into blossom, and the birds came and sang on it, and the little boy stretched out his two arms and flung them round the Giant's neck, and kissed him. And the other children, when they saw that the Giant was not wicked any longer, came running back, and with them came the Spring. «It is your garden now, little children,» said the Giant, and he took a great axe and knocked down the wall. And when the people were going to market at twelve o'clock they found the Giant playing with the children in the most beautiful garden they had ever seen.

All day long they played, and in the evening they came to the Giant to bid him good-bye.

«But where is your little companion?» he said: «the boy I put into the tree.» The Giant loved him the best because he had kissed him.

«We don't know,» answered the children; «he has gone away.»

«You must tell him to be sure and come here to-morrow,» said the Giant. But the children said that they did not know where he lived, and had never seen him before; and the Giant felt very sad.

Every afternoon, when school was over, the children came and played with the Giant. But the little boy whom the Giant loved was never seen again. The Giant was very kind to all the children, yet he longed for his first little friend, and often spoke of him. «How I would like to see him!» he used to say.

— Он слишком большой эгоист, — сказала Осень. И в саду Великана всегда была Зима, и только Северный Ветер да Снег, Град и Мороз плясали и кружились между деревьев.

Однажды Великан, проснувшись в своей постели, услышал нежную музыку. Эта музыка показалась ему такой сладостной, что он подумал, не идут ли мимо его замка королевские музыканты. На самом-то деле это была всего лишь маленькая коноплянка, которая запела у него под окном, но Великан так давно не слышал пения птиц в своем саду, что щебет коноплянки показался ему самой прекрасной музыкой на свете. И тут Град перестал выплясывать у него над головой, и Северный Ветер прекратил свои завывания, а в приотворенное окно долетел восхитительный аромат.

— Должно быть, Весна все-таки пришла наконец, — сказал Великан, выскочил из постели и глянул в окно.

И что же он увидел?

Он увидел совершенно необычайную картину. Дети проникли в сад сквозь небольшое отверстие в стене и залезли на деревья. Они сидели на всех деревьях. Куда бы Великан ни бросил взгляд — на каждом дереве он видел какого-нибудь ребенка. И деревья были так рады их возвращению, что сразу зацвели и стояли, тихонько покачивая ветвями над головками детей. А птицы порхали по саду и щебетали от восторга, и цветы выглядывали из зеленой травы и улыбались. Это было очаровательное зрелище, и только в одном углу сада все еще стояла Зима. Это был самый укромный уголок, и Великан увидел там маленького мальчика. Он был так мал, что не мог дотянуться до ветвей дерева и только ходил вокруг него и горько плакал. И бедное деревце было все до самой верхушки еще покрыто инеем и снегом, а над ним кружился и завывал Северный Ветер.

— Взберись на меня, мальчик! — сказала Дерево и склонило ветви почти до самой земли.

Но мальчик не мог дотянуться до них — он был слишком мал. И сердце Великана растаяло, когда он глядел в окно.

— Какой же я был эгоист! — сказал он. — Теперь я знаю, почему Весна не хотела прийти в мой сад. Я посажу этого маленького мальчика на верхушку дерева и сломаю стену, и мой сад на веки вечные станет местом детских игр. — Он и в самом деле был очень расстроен тем, что натворил.

И вот он на цыпочках спустился по лестнице, тихонько отомкнул парадную дверь своего замка и вышел в сад. Но как только дети увидели Великана, они так испугались, что тут же бросились врассыпную, и в сад снова пришла Зима. Не убежал один только маленький мальчик, потому что глаза его были полны слез, и он даже не заметил появления Великана. А Великан тихонько подкрался к нему сзади, осторожно поднял с земли и посадил на дерево. И дерево тотчас зацвело, и к нему слетелись птицы и запели песни, порхая с ветки на ветку, а маленький мальчик обхватил Великана руками за шею и поцеловал. И тогда другие дети, увидав, что Великан перестал быть злым, прибежали обратно, а вместе с ними возвратилась и Весна.

— Теперь этот сад ваш, дети, — сказал Великан и взял большой топор и снес стену.

И жители, направляясь в полдень на рынок, видели Великана, который играл с детьми в самом прекрасном саду, какой только есть на свете.

Весь день дети играли в саду, а вечером они подошли к Великану, чтобы пожелать ему доброй ночи.

— А где же ваш маленький приятель? — спросил Великан. — Мальчик, которого я посадил на дерево? — Он особенно пришелся по душе Великану, потому что поцеловал его.

— Мы не знаем, — отвечали дети. — Он куда-то ушел.

— Непременно передайте ему, чтобы он не забыл прийти сюда завтра, — сказал Великан.

Но дети отвечали, что они не знают, где живет этот мальчик, так как ни разу не видели его раньше, и тогда Великан очень опечалился.

Каждый день после уроков дети приходили поиграть с Великаном, но маленький мальчик, который так полюбился Великану, ни разу больше не пришел в сад. Великан был теперь очень добр ко всем детям, но тосковал о своем маленьком друге и часто о нем вспоминал.

Years went over, and the Giant grew very old and feeble. He could not play about any more, so he sat in a huge armchair, and watched the children at their games, and admired his garden. «I have many beautiful flowers,» he said; «but the children are the most beautiful flowers of all.»

One winter morning he looked out of his window as he was dressing. He did not hate the Winter now, for he knew that it was merely the Spring asleep, and that the flowers were resting.

Suddenly he rubbed his eyes in wonder, and looked and looked. It certainly was a marvellous sight. In the farthest corner of the garden was a tree quite covered with lovely white blossoms. Its branches were all golden, and silver fruit hung down from them, and underneath it stood the little boy he had loved.

Downstairs ran the Giant in great joy, and out into the garden. He hastened across the grass, and came near to the child. And when he came quite close his face grew red with anger, and he said, «Who hath dared to wound thee?» For on the palms of the child's hands were the prints of two nails, and the prints of two nails were on the little feet.

«Who hath dared to wound thee?» cried the Giant; «tell me, that I may take my big sword and slay him.»

«Nay!» answered the child; «but these are the wounds of Love.»

«Who art thou?» said the Giant, and a strange awe fell on him, and he knelt before the little child.

And the child smiled on the Giant, and said to him, «You let me play once in your garden, to-day you shall come with me to my garden, which is Paradise.»

And when the children ran in that afternoon, they found the Giant lying dead under the tree, all covered with white blossoms.

THE DEVOTED FRIEND

One morning the old Water-rat put his head out of his hole. He had bright beady eyes and stiff grey whiskers and his tail was like a long bit of black india-rubber. The little ducks were swimming about in the pond, looking just like a lot of yellow canaries, and their mother, who was pure white with real red legs, was trying to teach them how to stand on their heads in the water.

«You will never be in the best society unless you can stand on your heads,» she kept saying to them; and every now and then she showed them how it was done. But the little ducks paid no attention to her. They were so young that they did not know what an advantage it is to be in society at all.

«What disobedient children!» cried the old Water-rat; «they really deserve to be drowned.»

«Nothing of the kind,» answered the Duck, «every one must make a beginning, and parents cannot be too patient.»

«Ah! I know nothing about the feelings of parents,» said the Water-rat; «I am not a family man. In fact, I have never been married, and I never intend to be. Love is all very well in its way, but friendship is much higher. Indeed, I know of nothing in the world that is either nobler or rarer than a devoted friendship.»

— Как бы мне хотелось повидать его! — то и дело говорил Великан.

Год проходил за годом, и Великан состарился и одряхлел. Он уже не мог больше играть в саду и только сидел в глубоком кресле, смотрел на детей и на их игры да любовался своим садом.

— У меня много прекрасных цветов, — говорил он, — но нет на свете цветов прекраснее, чем дети.

Как-то раз зимним утром Великан, одеваясь, выглянул в окно. Он теперь не испытывал неприязни к Зиме, — ведь он знал, что Весна просто уснула, а цветы отдыхают.

И вдруг он стал тереть глаза и все смотрел и смотрел в окно, словно увидел чудо. А глазам его и вправду открылось волшебное зрелище. В самом укромном уголке сада стояло дерево, сплошь покрытое восхитительным белым цветом. Ветви его были из чистого золота, и на них висели серебряные плоды, а под деревом стоял маленький мальчик, который когда-то так полюбился Великому.

Не помня себя от радости, побежал Великан вниз по лестнице и ринулся в сад. Быстрым шагом прошел он по траве прямо к ребенку. Но когда он подошел совсем близко, лицо его побагровело от гнева, и он спросил:

— Кто посмел нанести тебе эти раны?

Ибо на ладонях мальчика он увидел раны от двух гвоздей, и на детских его ступнях были раны от двух гвоздей тоже.

— Кто посмел нанести тебе эти раны? — вскричал Великан. — Скажи мне, и я возьму мой большой меч и поражу виновного.

— Нет! — ответствовало дитя. — Ведь эти раны породила Любовь.

— Скажи — кто ты? — спросил Великан, и благоговейный страх обуял его, и он пал перед ребенком на колени. А дитя улыбнулось Великому и сказало:

— Однажды ты позволил мне поиграть в твоём саду, а сегодня я поведу тебя в свой сад, который зовется Раем.

И на другой день, когда дети прибежали в сад, они нашли Великана мертвым: он лежал под деревом, которое было все осыпано белым цветом.

Преданный друг

Однажды утром старая Водяная Крыса высунула голову из своей норы. Глаза у нее были как блестящие бусинки, усы серые и жесткие, а черный хвост ее походил на длинный резиновый шнур. Маленькие утята плавали в пруду, желтые, точно канарейки, а их мать, белая-пребелая, с ярко-красными лапами, старалась научить их стоять в воде вниз головой.

— Если вы не научитесь стоять на голове, вас никогда не примут в хорошее общество, — приговаривала она и время от времени показывала им, как это делается.

Но утята даже не глядели на нее. Они были еще слишком малы, чтобы понять, как важно быть принятым в обществе.

— Какие непослушные дети! — воскликнула Водяная Крыса. Право, их стоит утопить.

— Отнюдь нет, — возразила Утка. — Всякое начало трудно, и родителям надлежит быть терпеливыми.

— Ах, мне родительские чувства неведомы, — сказала Водяная Крыса, — у меня нет семьи. Замужем я не была, да и выходить не собираюсь. Любовь, конечно, вещь по-своему хорошая, но дружба куда возвышеннее. Право же, ничего нет на свете прелестнее и возвышеннее преданной дружбы.

«And what, pray, is your idea of the duties of a devoted friend?» asked a Green Linnet, who was sitting in a willow-tree hard by, and had overheard the conversation.

«Yes, that is just what I want to know,» said the Duck; and she swam away to the end of the pond, and stood upon her head, in order to give her children a good example.

«What a silly question!» cried the Water-rat. «I should expect my devoted friend to be devoted to me, of course.»

«And what would you do in return?» said the little bird, swinging upon a silver spray, and flapping his tiny wings.

«I don't understand you,» answered the Water-rat.

«Let me tell you a story on the subject,» said the Linnet.

«Is the story about me?» asked the Water-rat. «If so, I will listen to it, for I am extremely fond of fiction.»

«It is applicable to you,» answered the Linnet; and he flew down, and alighting upon the bank, he told the story of The Devoted Friend.

«Once upon a time,» said the Linnet, «there was an honest little fellow named Hans.»

«Was he very distinguished?» asked the Water-rat.

«No,» answered the Linnet, «I don't think he was distinguished at all, except for his kind heart, and his funny round good-humoured face. He lived in a tiny cottage all by himself, and every day he worked in his garden. In all the country-side there was no garden so lovely as his. Sweet-william grew there, and Gilly-flowers, and Shepherds-purses, and Fair-maids of France. There were damask Roses, and yellow Roses, lilac Crocuses, and gold, purple Violets and white. Columbine and Ladysmock, Marjoram and Wild Basil, the Cowslip and the Flower-de-luce, the Daffodil and the Clove-Pink bloomed or blossomed in their proper order as the months went by, one flower taking another flower's place, so that there were always beautiful things to look at, and pleasant odours to smell.

«Little Hans had a great many friends, but the most devoted friend of all was big Hugh the Miller. Indeed, so devoted was the rich Miller to little Hans, that he would never go by his garden without leaning over the wall and plucking a large nosegay, or a handful of sweet herbs, or filling his pockets with plums and cherries if it was the fruit season.

«Real friends should have everything in common,» the Miller used to say, and little Hans nodded and smiled, and felt very proud of having a friend with such noble ideas.

«Sometimes, indeed, the neighbours thought it strange that the rich Miller never gave little Hans anything in return, though he had a hundred sacks of flour stored away in his mill, and six milch cows, and a large flock of woolly sheep; but Hans never troubled his head about these things, and nothing gave him greater pleasure than to listen to all the wonderful things the Miller used to say about the unselfishness of true friendship.

«So little Hans worked away in his garden. During the spring, the summer, and the autumn he was very happy, but when the winter came, and he had no fruit or flowers to bring to the market, he suffered a good deal from cold and hunger, and often had to go to bed without any supper but a few dried pears or some hard nuts. In the winter, also, he was extremely lonely, as the Miller never came to see him then.

«There is no good in my going to see little Hans as long as the snow lasts,» the Miller used to say to his wife, «for when people are in trouble they should be left alone, and not be bothered by visitors. That at least is my idea about friendship, and I am sure I am right. So I shall wait till the spring comes, and then I shall pay him a visit, and he will be able to give me a large basket of primroses and that will make him so happy.»

«You are certainly very thoughtful about others,» answered the Wife, as she sat in her comfortable armchair by the big pinewood fire; «very thoughtful indeed. It is quite a treat to

— А что, по-вашему, следует требовать от преданного друга? — заинтересовалась зелененькая Коноплянка, сидевшая на соседней иве и слышавшая весь этот разговор.

— Вот-вот, что именно? Меня это ужасно интересует, — сказала Утка, а сама отплыла на другой конец пруда и перевернулась там вниз головой, чтобы подать добрый пример своим детям.

— Что за глупый вопрос! — воскликнула Водяная Крыса. — Конечно же, преданный друг должен быть мне предан.

— Ну а вы что предложили бы ему взамен? — спросила птичка, покачиваясь на серебристой веточке и взмахивая крохотными крылышками.

— Я вас не понимаю, — ответила Водяная Крыса.

— Позвольте рассказать вам по этому поводу одну историю, — сказала Коноплянка.

— Обо мне? — спросила Водяная Крыса. — Если да, то я охотно послушаю: я ужасно люблю изящную словесность.

— Моя история применима и к вам, — ответила Коноплянка и, спорхнув с ветки, опустилась на берег и принялась рассказывать историю о Преданном Друге.

— Жил-был когда-то в этих краях, — начала Коноплянка, — славный паренек по имени Ганс.

— Он был человек выдающийся? — спросила Водяная Крыса.

— Нет, — ответила Коноплянка, — по-моему, он ничем таким не отличался, разве что добрым сердцем и забавным круглым веселым лицом. Жил он один-одинешенек в своей маленькой избушке и день-деньской копался у себя в саду. Во всей округе не было такого прелестного садика. Тут росли и турецкая гвоздика, и левкой, и пастушья сумка, и садовые лютики. Были тут розы — алые и желтые, крокусы — сиреневые и золотистые, фиалки — лиловые и белые. Водосбор и луговой сердечник, майоран и дикий базилик, первоцвет и касатик, нарцисс и красная гвоздика распускались и цвели каждый своим чередом. Месяцы сменяли один другой, и одни цветы сменялись другими, и всегда его сад радовал взор и напоен был сладкими ароматами.

У Маленького Ганса было множество друзей, но самым преданным из всех был Большой Гью-Мельник. Да, богатый Мельник так был предан Маленькому Гансу, что всякий раз, как проходил мимо его сада, перевешивался через забор и набирал букет цветов или охапку душистых трав или, если наступала пора плодов, набивал карманы сливами и вишнями.

«У настоящих друзей все должно быть общее», — говаривал Мельник, а Маленький Ганс улыбался и кивал головой: он очень гордился, что у него есть друг с такими благородными взглядами.

Правда, соседи иногда удивлялись, почему богатый Мельник, у которого шесть дойных коров и целое стадо длинношерстных овец, а на мельнице сотня мешков с мукой, никогда ничем не отблагодарит Ганса. Но Маленький Ганс ни над чем таким не задумывался и не ведал большего счастья, чем слушать замечательные речи Мельника о самоотверженности истинной дружбы.

Итак, Маленький Ганс все трудился в своем саду. Весною, летом и осенью он не знал горя. Но зимой, когда у него не было ни цветов, ни плодов, которые можно было отнести на базар, он терпел холод и голод и частенько ложился в постель без ужина, удовольствовавшись несколькими сушеными грушами или горсточкой твердых орехов. К тому же зимой он бывал очень одинок — в эту пору Мельник никогда не навещал его.

«Мне не следует навещать Маленького Ганса, пока не стает снег, — говорил Мельник своей жене. — Когда человеку приходится туго, его лучше оставить в покое и не докучать ему своими посещениями. Так, по крайней мере, я понимаю дружбу, и я уверен, что прав. Подожду до весны и тогда загляну к нему. Он наполнит мою корзину первоцветом, и это доставит ему такую радость!»

«Ты всегда думаешь о других, — отозвалась жена, сидевшая в покойном кресле у камина, где ярко пылали сосновые поленья, — только о других! Просто наслаждение слушать, как ты

hear you talk about friendship. I am sure the clergyman himself could not say such beautiful things as you do, though he does live in a three-storied house, and wear a gold ring on his little finger.»

«But could we not ask little Hans up here?» said the Miller's youngest son. «If poor Hans is in trouble I will give him half my porridge, and show him my white rabbits.»

«What a silly boy you are!» cried the Miller; «I really don't know what is the use of sending you to school. You seem not to learn anything. Why, if little Hans came up here, and saw our warm fire, and our good supper, and our great cask of red wine, he might get envious, and envy is a most terrible thing, and would spoil anybody's nature. I certainly will not allow Hans» nature to be spoiled. I am his best friend, and I will always watch over him, and see that he is not led into any temptations. Besides, if Hans came here, he might ask me to let him have some flour on credit, and that I could not do. Flour is one thing, and friendship is another, and they should not be confused. Why, the words are spelt differently, and mean quite different things. Everybody can see that.»

«How well you talk!» said the Miller's Wife, pouring herself out a large glass of warm ale; «really I feel quite drowsy. It is just like being in church.»

«Lots of people act well,» answered the Miller; «but very few people talk well, which shows that talking is much the more difficult thing of the two, and much the finer thing also»; and he looked sternly across the table at his little son, who felt so ashamed of himself that he hung his head down, and grew quite scarlet, and began to cry into his tea. However, he was so young that you must excuse him.»

«Is that the end of the story?» asked the Water-rat.

«Certainly not,» answered the Linnet, «that is the beginning.»

«Then you are quite behind the age,» said the Water-rat. «Every good story-teller nowadays starts with the end, and then goes on to the beginning, and concludes with the middle. That is the new method. I heard all about it the other day from a critic who was walking round the pond with a young man. He spoke of the matter at great length, and I am sure he must have been right, for he had blue spectacles and a bald head, and whenever the young man made any remark, he always answered «Pooh!» But pray go on with your story. I like the Miller immensely. I have all kinds of beautiful sentiments myself, so there is a great sympathy between us.»

«Well,» said the Linnet, hopping now on one leg and now on the other, «as soon as the winter was over, and the primroses began to open their pale yellow stars, the Miller said to his wife that he would go down and see little Hans.

«Why, what a good heart you have» cried his Wife; «you are always thinking of others. And mind you take the big basket with you for the flowers.»

«So the Miller tied the sails of the windmill together with a strong iron chain, and went down the hill with the basket on his arm.

«Good morning, little Hans,» said the Miller.

«Good morning,» said Hans, leaning on his spade, and smiling from ear to ear.

«And how have you been all the winter?» said the Miller.

«Well, really,» cried Hans, «it is very good of you to ask, very good indeed. I am afraid I had rather a hard time of it, but now the spring has come, and I am quite happy, and all my flowers are doing well.»

«We often talked of you during the winter, Hans,» said the Miller, «and wondered how you were getting on.»

«That was kind of you,» said Hans; «I was half afraid you had forgotten me.»

рассуждаешь о дружбе! Наш священник и тот, по-моему, не умеет так красно говорить, хоть и живет в трехэтажном доме и носит на мизинце золотое кольцо».

«А нельзя ли пригласить Маленького Ганса сюда? — спросил Мельника его младший сынишка. — Если бедному Гансу плохо, я поделюсь с ним кашей и покажу ему своих белых кроликов».

«До чего же ты глуп! — воскликнул Мельник. — Право, не знаю, стоит ли посылать тебя в школу. Все равно ничему не научишься. Ведь если бы Ганс пришел к нам и увидел наш теплый очаг, добрый ужин и славный бочонок красного вина, он, чего доброго, позавидовал бы нам, а на свете нет ничего хуже зависти, она любого испортит. А я никак не хочу, чтобы Ганс стал хуже. Я ему друг и всегда буду печься о нем и следить, чтобы он не подвергнулся соблазнам. К тому же, если б Ганс пришел сюда, он, чего доброго, попросил бы меня дать ему в долг немного муки, а я не могу этого сделать. Мука — одно, а дружба — другое, и нечего их смешивать. Эти слова и пишутся по-разному и означают разное. Каждому ясно».

«До чего же хорошо ты говоришь! — промолвила жена Мельника, наливая себе большую кружку подогретого эля. — Я даже чуть не задремала. Ну точно как в церкви!»

«Многие хорошо поступают, — отвечал Мельник, — но мало кто умеет хорошо говорить. Значит, говорить куда труднее, а потому и много достойнее».

И он через стол строго глянул на своего сынишку, который до того застыдился, что опустил голову, весь покраснел, и слезы его закапали прямо в чай. Но не подумайте о нем дурно — он был еще так мал!

— Тут и конец вашей истории? — осведомилась Водяная Крыса.

— Что вы! — ответила Коноплянка. — Это только начало.

— Видно, вы совсем отстали от века, — заметила Водяная Крыса. — Нынче каждый порядочный рассказчик начинает с конца, потом переходит к началу и кончает серединой. Это самая новая метода. Так сказывал один критик, который гулял на днях возле нашего пруда с каким-то молодым человеком. Он долго рассуждал на эту тему и, бесспорно, был прав, потому что у него была лысая голова и синие очки на носу, и стоило только юноше что-нибудь возразить, как он кричал ему: «Гиль!» Но, прошу вас, рассказывайте дальше. Мне ужасно нравится Мельник. Я сама преисполнена возвышенных чувств и прекрасно его понимаю!

— Итак, — продолжала Коноплянка, прыгая с ноги на ногу, — едва миновала зима и первоцвет раскрыл свои бледно-желтые звездочки, Мельник объявил жене, что идет проведать Маленького Ганса.

«У тебя золотое сердце! — воскликнула жена. — Ты всегда думаешь о других. Не забудь, кстати, захватить с собою корзину для цветов».

Мельник привязал крылья ветряной мельницы тяжелой железной цепью к скобе и спустился с холма с пустою корзиной в руках.

«Здравствуй, Маленький Ганс», — сказал Мельник.

«Здравствуйте», — отвечал Маленький Ганс, опираясь на лопату и улыбаясь во весь рот.

«Ну, как ты провел зиму?» — спросил Мельник.

«До чего же любезно, что вы меня об этом спрашиваете! — воскликнул Маленький Ганс. — Признаться, мне подчас приходилось туго. Но весна наступила. Теперь и мне хорошо, и моим цветочкам».

«А мы зимой частенько вспоминали о тебе, Ганс, — молвил Мельник, — все думали, как ты там».

«Это было очень мило с вашей стороны, — ответил Ганс. — А я уж начал бояться, что вы меня забыли».

«Hans, I am surprised at you,» said the Miller; «friendship never forgets. That is the wonderful thing about it, but I am afraid you don't understand the poetry of life. How lovely your primroses are looking, by-the-bye!»

«They are certainly very lovely,» said Hans, «and it is a most lucky thing for me that I have so many. I am going to bring them into the market and sell them to the Burgomaster's daughter, and buy back my wheelbarrow with the money.»

«Buy back your wheelbarrow? You don't mean to say you have sold it? What a very stupid thing to do!»

«Well, the fact is,» said Hans, «that I was obliged to. You see the winter was a very bad time for me, and I really had no money at all to buy bread with. So I first sold the silver buttons off my Sunday coat, and then I sold my silver chain, and then I sold my big pipe, and at last I sold my wheelbarrow. But I am going to buy them all back again now.»

«Hans,» said the Miller, «I will give you my wheelbarrow. It is not in very good repair; indeed, one side is gone, and there is something wrong with the wheel-spokes; but in spite of that I will give it to you. I know it is very generous of me, and a great many people would think me extremely foolish for parting with it, but I am not like the rest of the world. I think that generosity is the essence of friendship, and, besides, I have got a new wheelbarrow for myself. Yes, you may set your mind at ease, I will give you my wheelbarrow.»

«Well, really, that is generous of you,» said little Hans, and his funny round face glowed all over with pleasure. «I can easily put it in repair, as I have a plank of wood in the house.»

«A plank of wood» said the Miller; «why, that is just what I want for the roof of my barn. There is a very large hole in it, and the corn will all get damp if I don't stop it up. How lucky you mentioned it! It is quite remarkable how one good action always breeds another. I have given you my wheelbarrow, and now you are going to give me your plank. Of course, the wheelbarrow is worth far more than the plank, but true, friendship never notices things like that. Pray get it at once, and I will set to work at my barn this very day.»

«Certainly,» cried little Hans, and he ran into the shed and dragged the plank out.

«It is not a very big plank,» said the Miller, looking at it, «and I am afraid that after I have mended my barn-roof there won't be any left for you to mend the wheelbarrow with; but, of course, that is not my fault. And now, as I have given you my wheelbarrow, I am sure you would like to give me some flowers in return. Here is the basket, and mind you fill it quite full.»

«Quite full?» said little Hans, rather sorrowfully, for it was really a very big basket, and he knew that if he filled it he would have no flowers left for the market and he was very anxious to get his silver buttons back.

«Well, really,» answered the Miller, «as I have given you my wheelbarrow, I don't think that it is much to ask you for a few flowers. I may be wrong, but I should have thought that friendship, true friendship, was quite free from selfishness of any kind.»

«My dear friend, my best friend,» cried little Hans, «you are welcome to all the flowers in my garden. I would much sooner have your good opinion than my silver buttons, any day»; and he ran and plucked all his pretty primroses, and filled the Miller's basket.

«Good-bye, little Hans,» said the Miller, as he went up the hill with the plank on his shoulder, and the big basket in his hand.

«Good-bye,» said little Hans, and he began to dig away quite merrily, he was so pleased about the wheelbarrow.

«The next day he was nailing up some honeysuckle against the porch, when he heard the Miller's voice calling to him from the road. So he jumped off the ladder, and ran down the garden, and looked over the wall.

«Ты меня удивляешь, Ганс, — сказал Мельник, — друзей не забывают. Тем и замечательна дружба. Но ты, боюсь, не способен оценить всю поэзию жизни. Кстати, как хороши твои первоцветы!»

«Они и в самом деле удивительно хороши, — согласился Ганс. — Мне повезло, что их столько уродилось. Я отнесу их на базар, продам дочери бургомистра и на эти деньги выкуплю свою тачку».

«Выкупишь? Уж не хочешь ли ты сказать, что заложил ее? Вот глупо!»

«Что поделаешь, — ответил Ганс, — нужда. Зимой, видите ли, мне пришлось несладко, время уж такое — не на что было даже хлеба купить. Вот я и заложил сперва серебряные пуговицы с воскресной куртки, потом серебряную цепочку, потом свою большую трубку и, наконец, тачку. Но теперь я все это выкуплю».

«Ганс, — сказал Мельник, — я подарю тебе свою тачку, правда, она немного не в порядке. У нее, кажется, не хватает одного борта и со спицами что-то не ладно, но я все-таки подарю ее тебе. Я понимаю, как я щедр, и многие скажут, что я делаю ужасную глупость, расставаясь с тачкой, но я не такой, как все. Без щедрости, по-моему, нет дружбы, да к тому же я купил себе новую тачку. Так что ты теперь о тачке не беспокойся. Я подарю тебе свою».

«Вы и вправду очень щедры! — отозвался Маленький Ганс, и его забавное круглое лицо прямо засияло от радости. — У меня есть доска, и я без труда ее починю».

«У тебя есть доска! — воскликнул Мельник. — А я как раз ищу доску, чтобы починить крышу на амбаре. Там большая дыра, и, если я ее не заделаю, у меня все зерно отсыреет. Хорошо, что ты вспомнил про доску! Просто удивительно, как одно доброе дело порождает другое. Я подарил тебе свою тачку, а ты решил подарить мне доску. Правда, тачка много дороже, но истинные друзья на это не смотрят. Достань-ка ее поскорее, и я сегодня же примусь за работу».

«Сию минуту!» — воскликнул Ганс, и он тут же побежал в сарай и притащил доску.

«Да, невелика доска, невелика, — заметил Мельник, осматривая ее. — Боюсь, что, когда я починю крышу, на тачку ничего не останется. Но это уж не моя вина. А теперь, раз я подарил тебе тачку, ты, наверно, захочешь подарить мне побольше цветов. Вот корзина, наполни ее до самого верха».

«До самого верха?» — с грустью переспросил Ганс. Корзина была очень большая, и он увидел, что, если наполнить ее доверху, не с чем будет идти на рынок, а ему так хотелось выкупить свои серебряные пуговицы.

«Ну, знаешь ли, — отозвался Мельник, — я подарил тебе тачку и думал, что могу попросить у тебя немного цветочков. Я считал, что настоящая дружба свободна от всякого расчета. Значит, я ошибся».

«Дорогой мой друг, лучший мой друг! — воскликнул Маленький Ганс. — Забирайте хоть все цветы из моего сада! Ваше доброе мнение для меня гораздо важнее каких-то там серебряных пуговиц».

И он побежал и срезал все свои дивные первоцветы и наполнил ими корзину для Мельника.

«До свидания, Маленький Ганс!» — сказал Мельник и пошел на свой холм с доской на плече и большой корзиной в руках,

«До свидания!» — ответил Маленький Ганс и принялся весело работать лопатой: он очень радовался тачке.

На другой день, когда Маленький Ганс прибывал побеги жимолости над своим крылечком, он вдруг услышал голос окликавшего его Мельника. Он спрыгнул с лесенки, подбежал к забору и выглянул на дорогу.

«There was the Miller with a large sack of flour on his back.

«Dear little Hans,» said the Miller, «would you mind carrying this sack of flour for me to market?»

«Oh, I am so sorry,» said Hans, «but I am really very busy to-day. I have got all my creepers to nail up, and all my flowers to water, and all my grass to roll.»

«Well, really,» said the Miller, «I think that, considering that I am going to give you my wheelbarrow, it is rather unfriendly of you to refuse.»

«Oh, don't say that,» cried little Hans, «I wouldn't be unfriendly for the whole world» ; and he ran in for his cap, and trudged off with the big sack on his shoulders.

«It was a very hot day, and the road was terribly dusty, and before Hans had reached the sixth milestone he was so tired that he had to sit down and rest. However, he went on bravely, and as last he reached the market. After he had waited there some time, he sold the sack of flour for a very good price, and then he returned home at once, for he was afraid that if he stopped too late he might meet some robbers on the way.

«It has certainly been a hard day,» said little Hans to himself as he was going to bed, «but I am glad I did not refuse the Miller, for he is my best friend, and, besides, he is going to give me his wheelbarrow.»

«Early the next morning the Miller came down to get the money for his sack of flour, but little Hans was so tired that he was still in bed.

«Upon my word,» said the Miller, «you are very lazy. Really, considering that I am going to give you my wheelbarrow, I think you might work harder. Idleness is a great sin, and I certainly don't like any of my friends to be idle or sluggish. You must not mind my speaking quite plainly to you. Of course I should not dream of doing so if I were not your friend. But what is the good of friendship if one cannot say exactly what one means? Anybody can say charming things and try to please and to flatter, but a true friend always says unpleasant things, and does not mind giving pain. Indeed, if he is a really true friend he prefers it, for he knows that then he is doing good.»

«I am very sorry,» said little Hans, rubbing his eyes and pulling off his night-cap, «but I was so tired that I thought I would lie in bed for a little time, and listen to the birds singing. Do you know that I always work better after hearing the birds sing?»

«Well, I am glad of that,» said the Miller, clapping little Hans on the back, «for I want you to come up to the mill as soon as you are dressed, and mend my barn-roof for me.»

«Poor little Hans was very anxious to go and work in his garden, for his flowers had not been watered for two days, but he did not like to refuse the Miller, as he was such a good friend to him.

«Do you think it would be unfriendly of me if I said I was busy?» he inquired in a shy and timid voice.

«Well, really,» answered the Miller, «I do not think it is much to ask of you, considering that I am going to give you my wheelbarrow; but of course if you refuse I will go and do it myself.»

«Oh! on no account,» cried little Hans and he jumped out of bed, and dressed himself, and went up to the barn.

«He worked there all day long, till sunset, and at sunset the Miller came to see how he was getting on.

«Have you mended the hole in the roof yet, little Hans?» cried the Miller in a cheery voice.

«It is quite mended,» answered little Hans, coming down the ladder.

«Ah» said the Miller, «there is no work so delightful as the work one does for others.»

Там стоял Мельник с большим мешком муки на спине.

«Милый Ганс, — сказал Мельник, — не снесешь ли ты на базар этот мешок с мукой?»

«Ах, мне так жаль, — ответил Ганс, — но я, право, очень занят сегодня. Мне нужно поднять все выюнки, полить цветы и подстричь траву».

«Это не по-дружески, — сказал Мельник. — Я собираюсь подарить тебе тачку, а ты отказываешься мне помочь».

«О, не говорите так! — воскликнул Маленький Ганс. — Я ни за что на свете не хотел поступить не по-дружески».

И он сбегал в дом за шапкой и поплелся на базар с большим мешком на плечах.

День был очень жаркий, дорога пыльная, и Ганс, не дойдя еще до шестого милевого камня, так утомился, что присел отдохнуть. Собравшись с силами, он двинулся дальше и наконец добрался до базара. Скоро он продал муку за хорошие деньги и тут же пустился в обратный путь, потому что боялся повстречаться с разбойниками, если слишком замешкается.

«Трудный нынче выдался денек, — сказал себе Ганс, укладываясь в постель. — Но все же я рад, что не отказал Мельнику. Как-никак он мой лучший друг и к тому же обещал подарить мне свою тачку».

На следующий день Мельник спозаранку явился за своими деньгами, но Маленький Ганс так устал, что был еще в постели.

«До чего ж ты, однако, ленив, — сказал Мельник. — Я ведь собираюсь отдать тебе свою тачку, и ты, думаю, мог бы работать поусерднее. Нерадивость — большой порок, и мне бы не хотелось иметь другом бездельника и лентяя. Не обижайся, что я с тобой так откровенен. Мне бы и в голову не пришло так с тобой разговаривать, не будь я твоим другом. Что проку в дружбе, если нельзя сказать все, что думаешь? Болтать разные приятности, льстить и поддакивать может всякий, но истинный друг говорит только самое неприятное и никогда не постоит за тем, чтобы доставить тебе огорчение. Друг всегда предпочтет досадить тебе, ибо знает, что тем самым творит добро».

«Не сердитесь, — сказал Маленький Ганс, протирая глаза и снимая ночной колпак, — но я так вчера устал, что мне захотелось понежиться в постели и послушать пение птиц. Я, право же, всегда лучше работаю, когда послушаю пение птиц».

«Что ж, если так, я рад, — ответил Мельник, похлопывая Ганса по спине, — я ведь пришел сказать тебе, чтоб ты, как встанешь, отправлялся на мельницу починить крышу на моем амбаре».

Бедному Гансу очень хотелось поработать в саду — ведь он уже третий день не поливал своих цветов, — но ему неловко было отказать Мельнику, который был ему таким добрым другом.

«А это будет очень не по-дружески, если я скажу, что мне некогда?» — спросил он робким, нерешительным голосом.

«Разумеется, — отозвался Мельник. — Я, мне кажется, прошу у тебя не слишком много, особенно если припомнить, что я намерен подарить тебе свою тачку. Но раз ты не хочешь, я пойду и сам почию».

«Что вы, как можно!» — воскликнул Ганс и, мигом вскочив с постели, оделся и пошел чинить амбар.

Ганс трудился до самого заката, а на закате Мельник пришел взглянуть, как идет у него работа.

«Ну что, Ганс, как моя крыша?» — крикнул он весело.

«Готова!» — ответил Ганс и спустился с лестницы.

«Ах, нет работы приятнее той, которую мы делаем для других», — сказал Мельник.

«It is certainly a great privilege to hear you talk,» answered little Hans, sitting down, and wiping his forehead, «a very great privilege. But I am afraid I shall never have such beautiful ideas as you have.»

«Oh! they will come to you,» said the Miller, «but you must take more pains. At present you have only the practice of friendship; some day you will have the theory also.»

«Do you really think I shall?» asked little Hans.

«I have no doubt of it,» answered the Miller, «but now that you have mended the roof, you had better go home and rest, for I want you to drive my sheep to the mountain to-morrow.»

«Poor little Hans was afraid to say anything to this, and early the next morning the Miller brought his sheep round to the cottage, and Hans started off with them to the mountain. It took him the whole day to get there and back; and when he returned he was so tired that he went off to sleep in his chair, and did not wake up till it was broad daylight.

«What a delightful time I shall have in my garden,» he said, and he went to work at once.

«But somehow he was never able to look after his flowers at all, for his friend the Miller was always coming round and sending him off on long errands, or getting him to help at the mill. Little Hans was very much distressed at times, as he was afraid his flowers would think he had forgotten them, but he consoled himself by the reflection that the Miller was his best friend. «Besides,» he used to say, «he is going to give me his wheelbarrow, and that is an act of pure generosity.»

«So little Hans worked away for the Miller, and the Miller said all kinds of beautiful things about friendship, which Hans took down in a note-book, and used to read over at night, for he was a very good scholar.

«Now it happened that one evening little Hans was sitting by his fireside when a loud rap came at the door. It was a very wild night, and the wind was blowing and roaring round the house so terribly that at first he thought it was merely the storm. But a second rap came, and then a third, louder than any of the others.

«It is some poor traveller,» said little Hans to himself, and he ran to the door.

«There stood the Miller with a lantern in one hand and a big stick in the other.

«Dear little Hans,» cried the Miller, «I am in great trouble. My little boy has fallen off a ladder and hurt himself, and I am going for the Doctor. But he lives so far away, and it is such a bad night, that it has just occurred to me that it would be much better if you went instead of me. You know I am going to give you my wheelbarrow, and so, it is only fair that you should do something for me in return.»

«Certainly,» cried little Hans, «I take it quite as a compliment your coming to me, and I will start off at once. But you must lend me your lantern, as the night is so dark that I am afraid I might fall into the ditch.»

«I am very sorry,» answered the Miller, «but it is my new lantern, and it would be a great loss to me if anything happened to it.»

«Well, never mind, I will do without it,» cried little Hans, and he took down his great fur coat, and his warm scarlet cap, and tied a muffler round his throat, and started off.

«What a dreadful storm it was! The night was so black that little Hans could hardly see, and the wind was so strong that he could scarcely stand. However, he was very courageous, and after he had been walking about three hours, he arrived at the Doctor's house, and knocked at the door.

«Who is there?» cried the Doctor, putting his head out of his bedroom window.

«Little Hans, Doctor.»

«Что за наслаждение слушать вас, — ответил Ганс, присаживаясь и отирая пот со лба. — Великое наслаждение! Только, боюсь, у меня никогда не будет таких возвышенных мыслей, как у вас».

«О, это придет! — ответил Мельник. — Нужно лишь постараться. До сих пор ты знал только практику дружбы, когда-нибудь овладеешь и теорией».

«Вы правда так думаете?» — спросил Ганс.

«И не сомневаюсь, — ответил Мельник. — Но крыша теперь в порядке, и тебе пора домой. Отдохни хорошенько, потому что завтра тебе надо будет отвести моих овец в горы».

Бедный Маленький Ганс не решился что-нибудь возразить и наутро, когда Мельник пригнал к его домику своих овец, отправился с ними в горы. Целый день у него пошел на то, чтобы отогнать овец на пастбище и пригнать обратно, и он вернулся домой такой усталый, что заснул прямо в кресле и проснулся уже при ярком свете дня.

«Ну, сегодня я на славу потружусь в своем садике!» — сказал он и тотчас принялся за работу.

Но как-то все время выходило, что ему не удавалось заняться своими цветами. Его друг Мельник то и дело являлся к нему и отсылал его куда-нибудь с поручением или уводил с собою помочь на мельнице. Порой Маленький Ганс приходил в отчаяние и начинал бояться, как бы цветочки не решили, что он совсем позабыл о них, но он утешал себя мыслью, что Мельник — его лучший друг. «К тому же он собирается подарить мне тачку, — добавлял он в подобных случаях, — а это удивительная щедрость с его стороны».

Так и работал Маленький Ганс на Мельника, а тот говорил красивые слова о дружбе, которые Ганс записывал в тетрадочку и перечитывал по ночам, потому что он был очень прилежный ученик.

И вот однажды вечером, когда Маленький Ганс сидел у своего камелька, раздался сильный стук в дверь. Ночь была бурная, и ветер так страшно завывал и ревел вокруг, что Ганс поначалу принял этот стук за шум бури. Но в дверь снова постучали, а потом и в третий раз, еще громче.

«Верно, какой-нибудь несчастный путник», — сказал себе Ганс и бросился к двери.

На пороге стоял Мельник с фонарем в одной руке и толстой палкой в другой.

«Милый Ганс! — воскликнул Мельник. — У меня большая беда. Мой сынишка упал с лестницы и расшибся, и я иду за Доктором. Но Доктор живет так далеко, а ночь такая непогожая, что мне подумалось: не лучше ли тебе сходить за Доктором вместо меня. Я ведь собираюсь подарить тебе тачку, и ты, по справедливости, должен отплатить мне услугой за услугу».

«Ну конечно! — воскликнул Маленький Ганс. — Это такая честь, что вы пришли прямо ко мне! Я сейчас же побегу за Доктором. Только одолжите мне фонарь. На дворе очень темно, и я боюсь свалиться в канаву».

«Я бы с удовольствием, — ответил Мельник, — но фонарь у меня новый, и вдруг с ним что-нибудь случится?»

«Ну ничего, обойдусь и без фонаря!» — воскликнул Маленький Ганс. Он закутался в большую шубу, надел на голову теплую красную шапочку, повязал шею шарфом и двинулся в путь.

Какая была ужасная буря! Темень стояла такая, что Маленький Ганс почти ничего не видел перед собой, а ветер налетал с такой силой, что Ганс едва держался на ногах. Но мужество не покидало его, и часа через три он добрался до дома, в котором жил Доктор, и постучался в дверь.

«Кто там?» — спросил Доктор, высовываясь из окна спальни.

«Это я, Доктор, — Маленький Ганс».

«What do you want, little Hans?»

«The Miller's son has fallen from a ladder, and has hurt himself, and the Miller wants you to come at once.»

«All right!» said the Doctor; and he ordered his horse, and his big boots, and his lantern, and came downstairs, and rode off in the direction of the Miller's house, little Hans trudging behind him.

«But the storm grew worse and worse, and the rain fell in torrents, and little Hans could not see where he was going, or keep up with the horse. At last he lost his way, and wandered off on the moor, which was a very dangerous place, as it was full of deep holes, and there poor little Hans was drowned. His body was found the next day by some goatherds, floating in a great pool of water, and was brought back by them to the cottage.

«Everybody went to little Hans» funeral, as he was so popular, and the Miller was the chief mourner.

«As I was his best friend,» said the Miller, «it is only fair that I should have the best place» ; so he walked at the head of the procession in a long black cloak, and every now and then he wiped his eyes with a big pocket-handkerchief.

«Little Hans is certainly a great loss to every one,» said the Blacksmith, when the funeral was over, and they were all seated comfortably in the inn, drinking spiced wine and eating sweet cakes.

«A great loss to me at any rate,» answered the Miller; «why, I had as good as given him my wheelbarrow, and now I really don't know what to do with it. It is very much in my way at home, and it is in such bad repair that I could not get anything for it if I sold it. I will certainly take care not to give away anything again. One always suffers for being generous.»

«Well?» said the Water-rat, after a long pause.

«Well, that is the end,» said the Linnet.

«But what became of the Miller?» asked the Water-rat.

«Oh! I really don't know,» replied the Linnet; «and I am sure that I don't care.»

«It is quite evident then that you have no sympathy in your nature,» said the Water-rat.

«I am afraid you don't quite see the moral of the story,» remarked the Linnet.

«The what?» screamed the Water-rat.

«The moral.»

«Do you mean to say that the story has a moral?»

«Certainly,» said the Linnet.

«Well, really,» said the Water-rat, in a very angry manner, «I think you should have told me that before you began. If you had done so, I certainly would not have listened to you; in fact, I should have said «Pooh,» like the critic. However, I can say it now» ; so he shouted out «Pooh» at the top of his voice, gave a whisk with his tail, and went back into his hole.

«And how do you like the Water-rat?» asked the Duck, who came paddling up some minutes afterwards. «He has a great many good points, but for my own part I have a mother's feelings, and I can never look at a confirmed bachelor without the tears coming into my eyes.»

«I am rather afraid that I have annoyed him,» answered the Linnet. «The fact is, that I told him a story with a moral.»

«Ah! that is always a very dangerous thing to do,» said the Duck.

And I quite agree with her.

«А что у тебя за дело ко мне, Маленький Ганс?»

«Сынишка Мельника упал с лестницы и расшибся, и Мельник просит вас поскорее приехать».

«Ладно!» — ответил Доктор, велел подать лошадь, сапоги и фонарь, вышел из дому и поехал к Мельнику, а Ганс потащился за ним следом.

Ветер все крепчал, дождь лил как из ведра. Маленький Ганс не поспевал за лошастью и брел наугад. Он сбился с дороги и попал в очень опасное болото, где на каждом шагу были глубокие топи. Там бедный Ганс и утонул.

На другой день пастухи нашли Маленького Ганса в большой яме, залитой водою, и отнесли его тело к нему домой.

Все пришли на похороны Маленького Ганса, потому что все его любили. Но больше всех горевал Мельник.

«Я был его лучшим другом, — говорил он, — и, по справедливости, я должен идти первым».

И он шел в главе погребальной процессии, в длинном черном плаще, и время от времени вытирал глаза большим платком.

«Смерть Маленького Ганса — большая утрата для всех нас», — сказал Кузнец, когда после похорон все собрались в уютном трактире и попивали там душистое вино, закусывая его сладкими пирожками.

«Во всяком случае, для меня, — отозвался Мельник. — Я ведь уже, можно считать, подарил ему свою тачку и теперь ума не приложу, что мне с ней делать: дома она только место занимает, а продать — так ничего не дадут, до того она изломана. Впредь буду осмотрительнее. Теперь у меня никто ничего не получит. Щедрость всегда человеку во вред».

— Ну, а дальше? — спросила, помолчав, Водяная Крыса.

— Это все, — ответила Коноплянка.

— А что случилось с Мельником?

— Понятия не имею, — ответила Коноплянка. — Да мне, признаться, и не интересно.

— Оно и видно, что вы существо черствое, — заметила Водяная Крыса.

— Боюсь, что мораль этого рассказа будет вам неясна, — обронила Коноплянка.

— Что будет неясно? — переспросила Водяная Крыса.

— Мораль.

— Ах, так в этом рассказе есть мораль?

— Разумеется, — ответила Коноплянка.

— Однако же, — промолвила Водяная Крыса в крайнем раздражении. — По-моему, вам следовало сказать мне об этом наперед. Тогда я просто не стала бы вас слушать. Крикнула бы «Гиль!», как тот критик, и все. А впрочем, и теперь не поздно.

И она во всю глотку завопила: «Гиль!», взмахнула хвостом и спряталась в нору.

— Скажите, а как вам нравится эта Водяная Крыса? — осведомилась Утка, приплывая обратно. — У нее, конечно, много хороших качеств, но во мне так сильно материнское чувство, что стоит мне увидеть убежденную старую деву, как у меня слезы навертываются на глаза.

— Боюсь, она на меня обиделась, — ответила Коноплянка. — Понимаете, я рассказала ей историю с моралью.

— Что вы, это опасное дело! — сказала Утка.

И я с ней вполне согласен.

THE REMARKABLE ROCKET

The King's son was going to be married, so there were general rejoicings. He had waited a whole year for his bride, and at last she had arrived. She was a Russian Princess, and had driven all the way from Finland in a sledge drawn by six reindeer. The sledge was shaped like a great golden swan, and between the swan's wings lay the little Princess herself. Her long ermine-cloak reached right down to her feet, on her head was a tiny cap of silver tissue, and she was as pale as the Snow Palace in which she had always lived. So pale was she that as she drove through the streets all the people wondered. «She is like a white rose!» they cried, and they threw down flowers on her from the balconies.

At the gate of the Castle the Prince was waiting to receive her. He had dreamy violet eyes, and his hair was like fine gold. When he saw her he sank upon one knee, and kissed her hand.

«Your picture was beautiful,» he murmured, «but you are more beautiful than your picture»; and the little Princess blushed.

«She was like a white rose before,» said a young Page to his neighbour, «but she is like a red rose now»; and the whole Court was delighted.

For the next three days everybody went about saying, «White rose, Red rose, Red rose, White rose»; and the King gave orders that the Page's salary was to be doubled. As he received no salary at all this was not of much use to him, but it was considered a great honour, and was duly published in the Court Gazette.

When the three days were over the marriage was celebrated. It was a magnificent ceremony, and the bride and bridegroom walked hand in hand under a canopy of purple velvet embroidered with little pearls. Then there was a State Banquet, which lasted for five hours. The Prince and Princess sat at the top of the Great Hall and drank out of a cup of clear crystal. Only true lovers could drink out of this cup, for if false lips touched it, it grew grey and dull and cloudy.

«It's quite clear that they love each other,» said the little Page, «as clear as crystal!» and the King doubled his salary a second time. «What an honour!» cried all the courtiers.

After the banquet there was to be a Ball. The bride and bridegroom were to dance the Rose-dance together, and the King had promised to play the flute. He played very badly, but no one had ever dared to tell him so, because he was the King. Indeed, he knew only two airs, and was never quite certain which one he was playing; but it made no matter, for, whatever he did, everybody cried out, «Charming! charming!»

The last item on the programme was a grand display of fireworks, to be let off exactly at midnight. The little Princess had never seen a firework in her life, so the King had given orders that the Royal Pyrotechnist should be in attendance on the day of her marriage.

«What are fireworks like?» she had asked the Prince, one morning, as she was walking on the terrace.

«They are like the Aurora Borealis,» said the King, who always answered questions that were addressed to other people, «only much more natural. I prefer them to stars myself,

Замечательная ракета

Королевский сын намерен был сочетаться браком, и по этому поводу ликовал и стар и млад. Приезда своей невесты Принц дождался целый год, и вот наконец она прибыла. Это была русская Принцесса, и весь путь от самой Финляндии она проделала в санях, запряженных шестеркой оленей. Сани были из чистого золота и имели форму лебедя, а меж крыльев лебедя возлежала маленькая Принцесса. Она была закутана до самых пят в длинную горностаевую мантию, голову ее покрывала крошечная шапочка из серебряной ткани, и Принцесса была бела, как снежный дворец, в котором она жила у себя на родине. Так бледно было ее лицо, что весь народ дивился, глядя на нее, когда она проезжала по улицам.

— Она похожа на Белую розу! — восклицали все и осыпали ее цветами с балконов.

Принц вышел к воротам замка, чтобы встретить невесту. У нее были мечтательные фиалковые глаза и волосы как чистое золото. Увидав Принцессу, он опустился на одно колено и поцеловал ей руку.

— Ваш портрет прекрасен, — прошептал он, — но вы прекраснее во сто крат!

И щеки маленькой Принцессы заалели.

— Она была похожа на Белую розу, — сказал молодой Паж кому-то из придворных, — но теперь она подобна Алой розе.

И это привело в восхищение весь двор. Три дня кряду все ходили и восклицали:

— Белая роза, Алая роза, Алая роза, Белая роза, — и Король отдал приказ, чтобы Пажу удвоили жалованье.

Так как Паж не получал никакого жалованья вовсе, то пользы от этого ему было мало, но зато очень много чести, и потому об этом было своевременно оповещено в Придворной Газете.

По прошествии трех дней отпраздновали свадьбу. Это была величественная церемония: жених с невестой, держась за руки, стояли под балдахином из пунцового бархата, расшитого мелким жемчугом, а потом был устроен пир на весь мир, который длился пять часов. Принц и Принцесса сидели во главе стола в Большом зале и пили из прозрачной хрустальной чаши. Только истинные влюбленные могли пить из этой чаши, ибо стоило лживым устам прикоснуться к ней, как хрусталь становился тусклым, мутным и серым.

— Совершенно ясно, что они любят друг друга, — сказал маленький Паж. — Это так же ясно, как ясен хрусталь этой чаши!

И Король вторично удвоил ему жалованье.

— Какой почет! — хором воскликнули придворные.

После пира состоялся бал. Жениху и невесте предстояло протанцевать Танец розы, а Король вызвался поиграть на флейте. Он играл из рук вон плохо, но никто ни разу не осмелился сказать ему это, потому что он был Король. В сущности, он знал только две песенки и никогда не был уверен, какую именно исполняет, но это не имело ни малейшего значения, так как, что бы он ни делал, все восклицали:

— Восхитительно! Восхитительно!

Программа празднеств должна была закончиться грандиозным фейерверком, которому надлежало состояться ровно в полночь. Маленькая Принцесса еще никогда в жизни не видала фейерверка, и поэтому Король отдал приказ, чтобы Королевский пиротехник самолично занялся фейерверком в день свадьбы.

— Фейерверк? А на что это похоже? — спросила Принцесса у своего жениха, прогуливаясь утром по террасе.

— Это похоже на Северное Сияние, — сказал Король, который всегда отвечал на все вопросы, адресованные к другим лицам, — только гораздо натуральнее. Фейерверк так же прекрасен, как моя игра на флейте, и я лично предпочитаю его огни звездам, потому что, по

as you always know when they are going to appear, and they are as delightful as my own flute-playing. You must certainly see them.»

So at the end of the King's garden a great stand had been set up, and as soon as the Royal Pyrotechnist had put everything in its proper place, the fireworks began to talk to each other.

«The world is certainly very beautiful,» cried a little Squib. «Just look at those yellow tulips. Why! if they were real crackers they could not be lovelier. I am very glad I have travelled. Travel improves the mind wonderfully, and does away with all one's prejudices.»

«The King's garden is not the world, you foolish squib,» said a big Roman Candle; «the world is an enormous place, and it would take you three days to see it thoroughly.»

«Any place you love is the world to you,» exclaimed a pensive Catherine Wheel, who had been attached to an old deal box in early life, and prided herself on her broken heart; «but love is not fashionable any more, the poets have killed it. They wrote so much about it that nobody believed them, and I am not surprised. True love suffers, and is silent. I remember myself once — But it is no matter now. Romance is a thing of the past.»

«Nonsense!» said the Roman Candle, «Romance never dies. It is like the moon, and lives for ever. The bride and bridegroom, for instance, love each other very dearly. I heard all about them this morning from a brown-paper cartridge, who happened to be staying in the same drawer as myself, and knew the latest Court news.»

But the Catherine Wheel shook her head. «Romance is dead, Romance is dead, Romance is dead,» she murmured. She was one of those people who think that, if you say the same thing over and over a great many times, it becomes true in the end.

Suddenly, a sharp, dry cough was heard, and they all looked round.

It came from a tall, supercilious-looking Rocket, who was tied to the end of a long stick. He always coughed before he made any observation, so as to attract attention.

«Ahem! ahem!» he said, and everybody listened except the poor Catherine Wheel, who was still shaking her head, and murmuring, «Romance is dead.»

«Order! order!» cried out a Cracker. He was something of a politician, and had always taken a prominent part in the local elections, so he knew the proper Parliamentary expressions to use.

«Quite dead,» whispered the Catherine Wheel, and she went off to sleep.

As soon as there was perfect silence, the Rocket coughed a third time and began. He spoke with a very slow, distinct voice, as if he was dictating his memoirs, and always looked over the shoulder of the person to whom he was talking. In fact, he had a most distinguished manner.

«How fortunate it is for the King's son,» he remarked, «that he is to be married on the very day on which I am to be let off. Really, if it had been arranged beforehand, it could not have turned out better for him; but, Princes are always lucky.»

«Dear me!» said the little Squib, «I thought it was quite the other way, and that we were to be let off in the Prince's honour.»

«It may be so with you,» he answered; «indeed, I have no doubt that it is, but with me it is different. I am a very remarkable Rocket, and come of remarkable parents. My mother was the most celebrated Catherine Wheel of her day, and was renowned for her graceful dancing. When she made her great public appearance she spun round nineteen times before she went out, and each time that she did so she threw into the air seven pink stars. She was three feet and a half in diameter, and made of the very best gunpowder. My father was a Rocket like myself, and of French extraction. He flew so high that the people were afraid that

крайней мере, знаешь наверняка, когда эти огни зажгутся. Словом, вам непременно нужно полюбоваться на него.

И вот в углу королевского сада был воздвигнут большой помост, и как только Королевский пиротехник разложил все, что требовалось, по местам, огни фейерверка вступили в разговор друг с другом.

— Как прекрасен мир! — воскликнула маленькая Шутиха. — Вы только взгляните на эти желтые тюльпаны. Даже если бы это были настоящие фейерверочные огни, и тогда они не могли бы быть прелестней. Я счастлива, что мне удалось совершить путешествие. Путешествия удивительно облагораживают душу и помогают освободиться от предрассудков.

— Королевский сад — это еще далеко не весь мир, глупая ты Шутиха, — сказала Большая Римская Свеча. — Мир огромен, и меньше чем за три дня с ним нельзя основательно ознакомиться.

— То место, которое мы любим, включает в себе для нас весь мир, — мечтательно воскликнул Огненный Фонтан, который на первых порах был крепко привязан к старой сосновой дощечке и гордился своим разбитым сердцем. — Но любовь вышла из моды, ее убили поэты. Они так много писали о ней, что все перестали им верить, и, признаться, это меня несколько не удивляет. Истинная любовь страдает молча. Помнится, когда-то я... Впрочем, теперь это не имеет значения. Романтика отошла в прошлое.

— Чепуха! — сказала Римская Свеча. — Романтика никогда не умирает. Это как луна — она вечна. Наши жених и невеста, например, нежно любят друг друга. Мне все рассказала о них сегодня утром бумажная гильза от патрона, которая случайно попала в один ящик со мной и знала все последние придворные новости.

Но Огненный Фонтан только покачал головой.

— Романтика умерла, Романтика умерла, Романтика умерла, — прошептал он. Он принадлежал к тому сорту людей, которые полагают, что если долго твердить одно и то же, то в конце концов это станет истиной.

Вдруг раздалось резкое сухое покашливание, и все оглянулись.

Кашляла длинная, высокомерная с виду Ракета, прикрепленная к концу длинной палки. Она всегда начинала свою речь с покашливания, дабы привлечь к себе внимание.

— Кхе! Кхе! — кашлянула она, и все обратились в слух, за исключением бедняги Огненного Фонтана, который продолжал покачивать головой и шептать:

— Романтика умерла.

— Внимание! Внимание! — закричал Бенгальский Огонь.

Он увлекался политикой, всегда принимал деятельное участие в местных выборах и поэтому очень умело пользовался всеми парламентскими выражениями.

— Умерла безвозвратно, — прошептал Огненный Фонтан, начиная дремать.

Как только воцарилась тишина, Ракета кашлянула в третий раз и заговорила. Она говорила медленно, внятно, словно диктовала мемуары, и всегда смотрела поверх головы собеседника. Словом, она отличалась самыми изысканными манерами.

— Какая удача для сына Короля, — сказала она, — что ему предстоит сочетаться браком в тот самый день, когда меня запустят в небо. В самом деле, если бы даже все это было обдуманно заранее, и тогда не могло бы получиться удачнее. Но ведь Принцам всегда везет.

— Вот так так! — сказала маленькая Шутиха. — А мне казалось, что все как раз наоборот; это нас будут пускать в воздух в честь бракосочетания Принца.

— Вас-то, может, и будут, — сказала Ракета. — Я даже не сомневаюсь, что с вами поступят именно так, а я — другое дело. Я весьма замечательная Ракета и происхожу от весьма замечательных родителей. Мой отец был в свое время самым знаменитым Огненным Колесом и прославился грацией танца. Во время своего знаменитого выступления перед публикой он девятнадцать раз повернулся вокруг собственной оси, прежде чем погаснуть, и при каждом повороте выбрасывал из себя семь розовых звезд. Он был три фута с половиной в диаметре и сделан из самого лучшего пороха. А моя мать была Ракета, как и я, и притом французского

he would never come down again. He did, though, for he was of a kindly disposition, and he made a most brilliant descent in a shower of golden rain. The newspapers wrote about his performance in very flattering terms. Indeed, the Court Gazette called him a triumph of Pylotechnic art.»

«Pyrotechnic, Pyrotechnic, you mean,» said a Bengal Light; «I know it is Pyrotechnic, for I saw it written on my own canister.»

«Well, I said Pylotechnic,» answered the Rocket, in a severe tone of voice, and the Bengal Light felt so crushed that he began at once to bully the little squibs, in order to show that he was still a person of some importance.

«I was saying,» continued the Rocket, «I was saying — What was I saying?»

«You were talking about yourself,» replied the Roman Candle.

«Of course; I knew I was discussing some interesting subject when I was so rudely interrupted. I hate rudeness and bad manners of every kind, for I am extremely sensitive. No one in the whole world is so sensitive as I am, I am quite sure of that.»

«What is a sensitive person?» said the Cracker to the Roman Candle.

«A person who, because he has corns himself, always treads on other people's toes,» answered the Roman Candle in a low whisper; and the Cracker nearly exploded with laughter.

«Pray, what are you laughing at?» inquired the Rocket; «I am not laughing.»

«I am laughing because I am happy,» replied the Cracker.

«That is a very selfish reason,» said the Rocket angrily. «What right have you to be happy? You should be thinking about others. In fact, you should be thinking about me. I am always thinking about myself, and I expect everybody else to do the same. That is what is called sympathy. It is a beautiful virtue, and I possess it in a high degree. Suppose, for instance, anything happened to me to-night, what a misfortune that would be for every one! The Prince and Princess would never be happy again, their whole married life would be spoiled; and as for the King, I know he would not get over it. Really, when I begin to reflect on the importance of my position, I am almost moved to tears.»

«If you want to give pleasure to others,» cried the Roman Candle, «you had better keep yourself dry.»

«Certainly,» exclaimed the Bengal Light, who was now in better spirits; «that is only common sense.»

«Common sense, indeed!» said the Rocket indignantly; «you forget that I am very uncommon, and very remarkable. Why, anybody can have common sense, provided that they have no imagination. But I have imagination, for I never think of things as they really are; I always think of them as being quite different. As for keeping myself dry, there is evidently no one here who can at all appreciate an emotional nature. Fortunately for myself, I don't care. The only thing that sustains one through life is the consciousness of the immense inferiority of everybody else, and this is a feeling that I have always cultivated. But none of you have any hearts. Here you are laughing and making merry just as if the Prince and Princess had not just been married.»

«Well, really,» exclaimed a small Fire-balloon, «why not? It is a most joyful occasion, and when I soar up into the air I intend to tell the stars all about it. You will see them twinkle when I talk to them about the pretty bride.»

«Ah! what a trivial view of life!» said the Rocket; «but it is only what I expected. There is nothing in you; you are hollow and empty. Why, perhaps the Prince and Princess may go to

происхождения. Она взлетела так высоко, что все очень испугались — а вдруг она не вернется обратно. Но она вернулась, потому что у нее был очень кроткий характер, и возвращение ее было ослепительно эффектным — она рассыпалась дождем золотых звезд. Газеты с большой похвалой отозвались о ее публичном выступлении. Придворная Газета назвала ее триумфом Пилотехнического искусства.

— Пиротехнического — хотели вы сказать, Пиротехнического, — отозвался Бенгальский Огонь. — Я знаю, что это называется Пиротехникой, потому что прочел надпись на своей собственной коробке.

— А я говорю Пилотехнического, — возразила Ракета таким свирепым тоном, что Бенгальский Огонь почувствовал себя уничтоженным и тотчас стал задиравать маленьких Шутих, дабы показать, что он тоже имеет вес.

— Итак, я говорила, — продолжала Ракета, — я говорила... о чем же я говорила?

— Вы говорили о себе, — отвечала Римская Свеча.

— Ну разумеется. Я помню, что обсуждала какой-то интересный предмет, когда меня так невежливо прервали. Я не выношу грубости и дурных манер, ибо я необычайно чувствительна. Я уверена, что на всем свете не сыщется другой столь же чувствительной особы, как я.

— А что это такое — чувствительная особа? — спросила Петарда у Римской Свечи.

— Это тот, кто непременно будет отдавливать другим мозоли, если он сам от них страдает, — шепнула Римская Свеча на ухо Петарде, и та чуть не взорвалась со смеху.

— Над чем это вы смеетесь, позвольте узнать? — осведомилась Ракета. — Я же не смеюсь.

— Я смеюсь, потому что чувствую себя счастливой, — отвечала Петарда.

— Это весьма эгоистическая причина, — сердито промолвила Ракета. — Какое вы имеете право чувствовать себя счастливой? Вам следовало бы подумать о других. Точнее, вам следовало бы подумать обо мне. Я всегда думаю о себе и от других жду того же. Это называется отзывчивостью, а отзывчивость — высокая добродетель, и я обладаю ею в полной мере. Допустим, например, что сегодня ночью со мной что-нибудь случится, — представляете, какое это будет несчастье для всех! Принц и Принцесса уже никогда не смогут быть счастливы, и вся их супружеская жизнь пойдет прахом. А что касается Короля, то я знаю, что он не оправится после такого удара. Право, когда я начинаю думать о том, сколь ответственно занимаемое мною положение, я едва удерживаюсь от слез.

— Если вы хотите доставить другим удовольствие, — вскричала Римская Свеча, — так уж постарайтесь хотя бы не отсыреть.

— Ну конечно, — воскликнул Бенгальский Огонь, который уже несколько воспрянул духом, — это же подсказывает простой здравый смысл.

— Простой здравый смысл! — возмущенно фыркнула Ракета. — Вы забываете, что я совсем не простая, а весьма замечательная. Здравым смыслом может обладать кто угодно, при условии отсутствия воображения. А у меня очень богатое воображение, потому что я никогда ничего не представляю себе таким, как это есть на самом деле. Я всегда представляю себе все совсем наоборот. А что касается того, чтобы бояться отсыреть, то здесь, по-видимому, никто не в состоянии понять, что такое эмоциональная натура. По счастью, меня это мало трогает. Единственное, что меня поддерживает в течение всей жизни, — это сознание моего неоспоримого превосходства над всеми, а это качество я всегда развивала в себе по мере сил. Но ни у кого из вас нет сердца. Вы смеетесь и веселитесь так, словно Принц и Принцесса и не думали сочетаться браком.

— Как так? — воскликнул маленький Огненный Шар. — А почему бы нет? Это же самое радостное событие, и, поднявшись в воздух, я непременно сообщу о нем звездам. Вы увидите, как они будут подмигивать мне, когда я шепну им, как прелестна невеста.

— Боже! Какой тривиальный взгляд на вещи! — сказала Ракета. — Но ничего другого я и не ждала. В вас же решительно ничего нет — одна пустота. А что, если Принц и Принцесса

live in a country where there is a deep river, and perhaps they may have one only son, a little fair-haired boy with violet eyes like the Prince himself; and perhaps some day he may go out to walk with his nurse; and perhaps the nurse may go to sleep under a great elder-tree; and perhaps the little boy may fall into the deep river and be drowned. What a terrible misfortune! Poor people, to lose their only son! It is really too dreadful! I shall never get over it.»

«But they have not lost their only son,» said the Roman Candle; «no misfortune has happened to them at all.»

«I never said that they had,» replied the Rocket; «I said that they might. If they had lost their only son there would be no use in saying anything more about the matter. I hate people who cry over spilt milk. But when I think that they might lose their only son, I certainly am very much affected.»

«You certainly are!» cried the Bengal Light. «In fact, you are the most affected person I ever met.»

«You are the rudest person I ever met,» said the Rocket, «and you cannot understand my friendship for the Prince.»

«Why, you don't even know him,» growled the Roman Candle.

«I never said I knew him,» answered the Rocket. «I dare say that if I knew him I should not be his friend at all. It is a very dangerous thing to know one's friends.»

«You had really better keep yourself dry,» said the Fire-balloon. «That is the important thing.»

«Very important for you, I have no doubt,» answered the Rocket, «but I shall weep if I choose»; and he actually burst into real tears, which flowed down his stick like rain-drops, and nearly drowned two little beetles, who were just thinking of setting up house together, and were looking for a nice dry spot to live in.

«He must have a truly romantic nature,» said the Catherine Wheel, «for he weeps when there is nothing at all to weep about»; and she heaved a deep sigh, and thought about the deal box.

But the Roman Candle and the Bengal Light were quite indignant, and kept saying, «Humbug! humbug!» at the top of their voices. They were extremely practical, and whenever they objected to anything they called it humbug.

Then the moon rose like a wonderful silver shield; and the stars began to shine, and a sound of music came from the palace.

The Prince and Princess were leading the dance. They danced so beautifully that the tall white lilies peeped in at the window and watched them, and the great red poppies nodded their heads and beat time.

Then ten o'clock struck, and then eleven, and then twelve, and at the last stroke of midnight every one came out on the terrace, and the King sent for the Royal Pyrotechnist.

«Let the fireworks begin,» said the King; and the Royal Pyrotechnist made a low bow, and marched down to the end of the garden. He had six attendants with him, each of whom carried a lighted torch at the end of a long pole.

It was certainly a magnificent display.

Whizz! Whizz! went the Catherine Wheel, as she spun round and round. Boom! Boom! went the Roman Candle. Then the Squibs danced all over the place, and the Bengal Lights made everything look scarlet.

поселятся где-нибудь в сельской местности и, может статься, там будет протекать глубокая река, а у Принца и Принцессы может родиться сын, маленький, белокурый мальчик с фиалковыми глазами, как у отца, и, быть может, он пойдет однажды погулять со своей няней, и няня заснет под большим кустом бузины, а маленький мальчик упадет в глубокую реку и утонет? Какое страшное горе! Несчастные отец и мать — потерять единственного сына! Это же ужасно! Я этого просто не переживу.

— Но они же еще не потеряли своего единственного сына, — сказала Римская Свеча. — Никакого несчастья с ними еще не произошло.

— А разве я говорила, что они потеряли? — возразила Ракета. — Я сказала только, что они могут потерять. Если бы они уже потеряли единственного сына, не было бы никакого смысла об этом говорить. Снявши голову — по волосам не плачут, и я терпеть не могу тех, кто не придерживается этого правила. Но когда я думаю о том, что Принц и Принцесса могут потерять своего единственного сына, меня это, разумеется, чрезвычайно удручает.

— Что верно, то верно! — вскричал Бенгальский Огонь. — По правде говоря, такой удрученной особы, как вы, мне еще никогда не доводилось видеть.

— А мне никогда еще не доводилось видеть такого грубияна, как вы, — сказала Ракета. — И вы совершенно не способны понять моего дружеского расположения к Принцессе.

— Да ведь вы даже незнакомы с ней, — буркнула Римская Свеча.

— А разве я сказала, что я с ней знакома? — возразила Ракета. — Позвольте вам заметить, что я никогда не стала бы ее другом, будь я с ней знакома. Это очень опасная вещь — хорошо знать своих собственных друзей.

— Все же вы бы лучше постарались не отсыреть, — сказал Огненный Шар. — Вот что самое главное.

— Для вас, конечно, это самое главное, можно не сомневаться, — возразила Ракета, — а я вот возьму и заплачу, если мне захочется. — И она и вправду залилась самыми настоящими слезами, и они, словно капли дождя, побежали по ее палке и едва не затопили двух маленьких жучков, которые только что задумали обзавестись своим домом и подыскивали хорошее сухое местечко.

— Должно быть, это действительно очень романтическая натура, — сказал Огненный Фонтан, ведь она плачет абсолютно без всякой причины, и он испустил тяжелый вздох, вспомнив свою сосновую дощечку.

Но Римская Свеча и Бенгальский Огонь были очень возмущены и долго восклицали во весь голос:

— Вздор! Вздор! — Они были чрезвычайно здравомыслящие особы, и, когда им что-нибудь приходилось не по вкусу, они всегда говорили, что это вздор.

Тут взошла луна, похожая на сказочный серебряный щит, и на небе одна за другой зажглись звезды, а из дворца долетели звуки музыки.

Принц с Принцессой открыли бал, и танец их был так прекрасен, что высокие белые лилии, желая полюбоваться им, встали на цыпочки и заглянули в окна, а большие красные маки закивали в такт головами.

Но вот пробило десять часов, а потом одиннадцать и, наконец, двенадцать, и с последним ударом часов, возвестивших полночь, все вышли из дворца на террасу, а Король послал за Королевским пиротехником.

— Повелеваю зажечь фейерверк, — сказал Король, и Королевский пиротехник отвесил низкий поклон и направился в глубину сада. За ним следовали шесть помощников, каждый из которых нес горящий факел, прикрепленный к концу длинного шеста, и это было поистине величественное зрелище.

Пшш! Пшш! — зашипел, воспламеняясь, Огненный Фонтан.

Бум! Бум! — вспыхнула Римская Свеча.

А за ними и Шутихи заплясали по саду, и Бенгальские Огни озарили все алым блеском.

«Good-bye,» cried the Fire-balloon, as he soared away, dropping tiny blue sparks. Bang! Bang! answered the Crackers, who were enjoying themselves immensely. Every one was a great success except the Remarkable Rocket. He was so damp with crying that he could not go off at all. The best thing in him was the gunpowder, and that was so wet with tears that it was of no use. All his poor relations, to whom he would never speak, except with a sneer, shot up into the sky like wonderful golden flowers with blossoms of fire. Huzza! Huzza! cried the Court; and the little Princess laughed with pleasure.

«I suppose they are reserving me for some grand occasion,» said the Rocket; «no doubt that is what it means,» and he looked more supercilious than ever.

The next day the workmen came to put everything tidy. «This is evidently a deputation,» said the Rocket; «I will receive them with becoming dignity» so he put his nose in the air, and began to frown severely as if he were thinking about some very important subject. But they took no notice of him at all till they were just going away. Then one of them caught sight of him. «Hallo!» he cried, «what a bad rocket!» and he threw him over the wall into the ditch.

«BAD Rocket? BAD Rocket?» he said, as he whirled through the air; «impossible! GRAND Rocket, that is what the man said. BAD and GRAND sound very much the same, indeed they often are the same»; and he fell into the mud.

«It is not comfortable here,» he remarked, «but no doubt it is some fashionable watering-place, and they have sent me away to recruit my health. My nerves are certainly very much shattered, and I require rest.»

Then a little Frog, with bright jewelled eyes, and a green mottled coat, swam up to him.

«A new arrival, I see!» said the Frog. «Well, after all there is nothing like mud. Give me rainy weather and a ditch, and I am quite happy. Do you think it will be a wet afternoon? I am sure I hope so, but the sky is quite blue and cloudless. What a pity!»

«Ahem! ahem!» said the Rocket, and he began to cough.

«What a delightful voice you have!» cried the Frog. «Really it is quite like a croak, and croaking is of course the most musical sound in the world. You will hear our glee-club this evening. We sit in the old duck pond close by the farmer's house, and as soon as the moon rises we begin. It is so entrancing that everybody lies awake to listen to us. In fact, it was only yesterday that I heard the farmer's wife say to her mother that she could not get a wink of sleep at night on account of us. It is most gratifying to find oneself so popular.»

«Ahem! ahem!» said the Rocket angrily. He was very much annoyed that he could not get a word in.

«A delightful voice, certainly,» continued the Frog; «I hope you will come over to the duck-pond. I am off to look for my daughters. I have six beautiful daughters, and I am so afraid the Pike may meet them. He is a perfect monster, and would have no hesitation in breakfasting off them. Well, good-bye: I have enjoyed our conversation very much, I assure you.»

«Conversation, indeed!» said the Rocket. «You have talked the whole time yourself. That is not conversation.»

«Somebody must listen,» answered the Frog, «and I like to do all the talking myself. It saves time, and prevents arguments.»

«But I like arguments,» said the Rocket.

«I hope not,» said the Frog complacently. «Arguments are extremely vulgar, for everybody in good society holds exactly the same opinions. Good-bye a second time; I see my daughters in the distance and the little Frog swam away.

— Прощайте! — крикнул Огненный Шар, взмывая ввысь и рассыпая крошечные голубые искорки.

Хлоп! Хлоп! — вторили ему Петарды, которые веселились от души. Все участники фейерверка имели большой успех, за исключением замечательной Ракеты. Она настолько отсырела от слез, что ее так и не удалось запустить. Самой существенной частью ее был порох, а он намок, и от него не было никакого толку. А все бедные родственники Ракеты, которых она даже никогда не достаивала разговором, разве что презрительной усмешкой, взлетели к небу и распустились волшебными огненными цветами на золотых стеблях.

— Ура! Ура! — закричали Придворные, а маленькая Принцесса засмеялась от удовольствия.

— Вероятно, они приберегают меня для особого торжественного случая, — сказала Ракета. — Это несомненно так. — И она исполнилась еще большего высокомерия.

На следующий день в сад пришли слуги, чтобы привести его в порядок.

— По-видимому, это делегация, — сказала Ракета. — Надо принять их так, чтобы не уронить своего достоинства. — И она задрала нос кверху и сердито нахмурилась, делая вид, что размышляет о весьма важных материях. Но слуги даже не заметили ее, и только когда они уже собрались уходить, она случайно попала на глаза одному из них.

— Гляньте! — крикнул этот слуга. — Тут какая-то негодная Ракета! — И он швырнул ее за ограду, прямо в канаву.

— Негодная Ракета? Негодная Ракета? — воскликнула она, перелетая через ограду. — Этого не может быть! Превосходная Ракета — вот что, должно быть, сказал этот человек. Негодная и Превосходная звучат почти одинаково, да, в сущности, очень часто и означают одно и то же. — И с этими словами она шлепнулась прямо в грязь.

— Не очень-то приятное место, — сказала она, — но это, без сомнения, какой-нибудь модный лечебный курорт, и они отправили меня сюда для укрепления здоровья. Что говорить, нервы у меня действительно расшатаны, и отдых мне крайне необходим.

Тут к ней подплыл маленький Лягушонок с блестящими, как драгоценные камни, глазами, одетый в зеленый пятнистый мундир.

— А! Что я вижу! К нам кто-то прибыл! Что ж, в конце концов, грязь лучшее, что есть на свете. Дайте мне хорошую дождливую погоду и канаву, и я буду вполне счастлив. Как вы полагаете, к вечеру соберется дождь? Я все-таки не теряю надежды, хотя небо синее и на нем ни облачка. Такая обида!

— Кхе! Кхе! — произнесла Ракета и раскашлялась.

— Какой у вас приятный голос! — воскликнул Лягушонок. — Он очень напоминает кваканье, а разве кваканье не самая приятная музыка на свете? Сегодня вечером вы услышите выступление нашего многоголосого хора. Мы сидим в старом утином пруду, что возле фермерского дома, и, как только всходит луна, начинаем наш концерт. Это нечто настолько умопомрачительное, что никто не может уснуть — все слушают нас. Да не далее как вчера жена фермера говорила своей матушке, что она из-за нас не сомкнула глаз всю ночь. Очень приятно сознавать, что ты пользуешься таким признанием, — это доставляет большое удовлетворение.

— Кхе! Кхе! — сердито кашлянула Ракета. Она была очень раздосадована тем, что ей не дают вымолвить ни слова.

— Нет, в самом деле, какой восхитительный голос, — продолжал Лягушонок. — Я надеюсь, что вы посетите наш утиный пруд. Я отправляюсь на поиски своих дочерей. У меня шесть красавиц дочерей, и я очень боюсь, как бы их не увидела Щука. Это настоящее чудовище, она позавтракает ими — и глазом не моргнет. Итак, до свидания. Наша беседа доставила мне огромное удовольствие, поверьте.

— По-вашему, это называется беседой? — сказала Ракета. — Только вы один и говорили все время, не закрывая рта. Хороша беседа!

«You are a very irritating person,» said the Rocket, «and very ill — bred. I hate people who talk about themselves, as you do, when one wants to talk about oneself, as I do. It is what I call selfishness, and selfishness is a most detestable thing, especially to any one of my temperament, for I am well known for my sympathetic nature. In fact, you should take example by me; you could not possibly have a better model. Now that you have the chance you had better avail yourself of it, for I am going back to Court almost immediately. I am a great favourite at Court; in fact, the Prince and Princess were married yesterday in my honour. Of course you know nothing of these matters, for you are a provincial.»

«There is no good talking to him,» said a Dragon-fly, who was sitting on the top of a large brown bulrush; «no good at all, for he has gone away.»

«Well, that is his loss, not mine,» answered the Rocket. «I am not going to stop talking to him merely because he pays no attention. I like hearing myself talk. It is one of my greatest pleasures. I often have long conversations all by myself, and I am so clever that sometimes I don't understand a single word of what I am saying.»

«Then you should certainly lecture on Philosophy,» said the Dragon — fly; and he spread a pair of lovely gauze wings and soared away into the sky.

«How very silly of him not to stay here!» said the Rocket. «I am sure that he has not often got such a chance of improving his mind. However, I don't care a bit. Genius like mine is sure to be appreciated some day»; and he sank down a little deeper into the mud.

After some time a large White Duck swam up to him. She had yellow legs, and webbed feet, and was considered a great beauty on account of her waddle.

«Quack, quack, quack,» she said. «What a curious shape you are! May I ask were you born like that, or is it the result of an accident?»

«It is quite evident that you have always lived in the country,» answered the Rocket, «otherwise you would know who I am. However, I excuse your ignorance. It would be unfair to expect other people to be as remarkable as oneself. You will no doubt be surprised to hear that I can fly up into the sky, and come down in a shower of golden rain.»

«I don't think much of that,» said the Duck, «as I cannot see what use it is to any one. Now, if you could plough the fields like the ox, or draw a cart like the horse, or look after the sheep like the collie-dog, that would be something.»

«My good creature,» cried the Rocket in a very haughty tone of voice, «I see that you belong to the lower orders. A person of my position is never useful. We have certain accomplishments, and that is more than sufficient. I have no sympathy myself with industry of any kind, least of all with such industries as you seem to recommend. Indeed, I have always been of opinion that hard work is simply the refuge of people who have nothing whatever to do.»

«Well, well,» said the Duck, who was of a very peaceable disposition, and never quarrelled with any one, «everybody has different tastes. I hope, at any rate, that you are going to take up your residence here.»

— Кто-то же должен слушать, — возразил Лягушонок, — а говорить я люблю сам. Это экономит время и предупреждает разногласия.

— Но я люблю разногласия, — сказала Ракета.

— Ну что вы, — миролюбиво заметил Лягушонок. — Разногласия нестерпимо вульгарны. В хорошем обществе все придерживаются абсолютно одинаковых взглядов. Еще раз до свидания, я вижу вдали моих дочерей. — И маленький Лягушонок поплыл прочь.

— Вы чрезвычайно нудная особа, — сказала Ракета, — и очень дурно воспитаны. Я не выношу людей, которые, подобно вам, все время говорят о себе, в то время как другому хочется поговорить о себе. Как мне, например. Я это называю эгоизмом, а эгоизм — чрезвычайно отталкивающее свойство, особенно для людей моего склада, — ведь общеизвестно, что у меня очень отзывчивая натура. Словом, вам бы следовало взять с меня пример, едва ли вам встретится еще когда-нибудь образец более достойный подражания. И раз уж представился такой счастливый случай, я бы посоветовала вам воспользоваться им, ибо в самом непродолжительном времени я отправляюсь ко двору. Если хотите знать, я в большом фаворе при дворе: не далее как вчера Принц и Принцесса сочтались браком в мою честь. Вам это, конечно, никак не может быть известно, поскольку вы типичный провинциал.

— Нет никакого смысла говорить ему все это, — сказала Стрекоза, сидевшая на верхушке длинной коричневой камышины. — Совершенно никакого смысла, ведь он уже уплыл.

— Тем хуже для него, — отвечала Ракета. — Я не собираюсь молчать только потому, что он меня не слушает, — мне-то что до этого. Я люблю слушать себя. Для меня это одно из самых больших удовольствий. Порой я веду очень продолжительные беседы сама с собой, и, признаться, я настолько образованна и умна, что иной раз не понимаю ни единого слова из того, что говорю.

— Тогда вам, безусловно, необходимо выступить с лекциями по Философии, — сказала Стрекоза и, расправив свои прелестные газовые крылышки, поднялась в воздух.

— Как это глупо, что она улетела! — сказала Ракета. — Я уверена, что ей не часто предоставляется такая возможность расширить свой кругозор. Мне-то, конечно, все равно. Такие гениальные умы, как я, рано или поздно получают признание. — И тут она еще чуть глубже погрузилась в грязь.

Через некоторое время к Ракете подплыла большая Белая Утка. У нее были желтые перепончатые лапки, и она слыла красавицей благодаря своей грациозной походке.

— Кряк, кряк, кряк, — сказала Утка, — какое у вас странное телосложение! Осмелюсь спросить, это от рождения или результат несчастного случая?

— Сразу видно, что вы всю жизнь провели в деревне, — отвечала Ракета, — иначе вам было бы известно, кто я такая. Но я прощаю вам ваше невежество. Было бы несправедливо требовать от других, чтобы они были столь же выдающимися личностями, как ты сама. Вы, без сомнения, будете поражены, узнав, что я могу взлететь к небу и пролиться на землю золотым дождем.

— Велика важность, — сказала Утка. — Какой кому от этого прок? Вот если бы вы могли пахать землю, как вол, или возить телегу, как лошадь, или стеречь овец, как овчарка, тогда от вас еще была бы какая-нибудь польза.

— Я вижу, уважаемая, — воскликнула Ракета высокомерно-снисходительным тоном, — я вижу, что вы принадлежите к самым низшим слоям общества. Особы моего круга никогда не приносят никакой пользы. Мы обладаем хорошими манерами, и этого вполне достаточно. Я лично не питаю симпатии к полезной деятельности какого бы то ни было рода, а уж меньше всего — к такой, какую вы изволили рекомендовать. По правде говоря, я всегда придерживалась того мнения, что в тяжелой работе ищут спасения люди, которым ничего другого не остается делать.

— Ну хорошо, хорошо, — сказала Утка, отличавшаяся покладистым нравом и не любившая препираться попусту. — О вкусах не спорят. Я буду очень рада, если вы решите обосноваться тут, у нас.

«Oh! dear no,» cried the Rocket. «I am merely a visitor, a distinguished visitor. The fact is that I find this place rather tedious. There is neither society here, nor solitude. In fact, it is essentially suburban. I shall probably go back to Court, for I know that I am destined to make a sensation in the world.»

«I had thoughts of entering public life once myself,» remarked the Duck; «there are so many things that need reforming. Indeed, I took the chair at a meeting some time ago, and we passed resolutions condemning everything that we did not like. However, they did not seem to have much effect. Now I go in for domesticity, and look after my family.»

«I am made for public life,» said the Rocket, «and so are all my relations, even the humblest of them. Whenever we appear we excite great attention. I have not actually appeared myself, but when I do so it will be a magnificent sight. As for domesticity, it ages one rapidly, and distracts one's mind from higher things.»

«Ah! the higher things of life, how fine they are!» said the Duck; «and that reminds me how hungry I feel»: and she swam away down the stream, saying, «Quack, quack, quack.»

«Come back! come back!» screamed the Rocket, «I have a great deal to say to you»; but the Duck paid no attention to him. «I am glad that she has gone,» he said to himself, «she has a decidedly middle-class mind»; and he sank a little deeper still into the mud, and began to think about the loneliness of genius, when suddenly two little boys in white smocks came running down the bank, with a kettle and some faggots.

«This must be the deputation,» said the Rocket, and he tried to look very dignified.

«Hallo!» cried one of the boys, «look at this old stick! I wonder how it came here»; and he picked the rocket out of the ditch.

«OLD Stick!» said the Rocket, «impossible! GOLD Stick, that is what he said. Gold Stick is very complimentary. In fact, he mistakes me for one of the Court dignitaries!»

«Let us put it into the fire!» said the other boy, «it will help to boil the kettle.»

So they piled the faggots together, and put the Rocket on top, and lit the fire.

«This is magnificent,» cried the Rocket, «they are going to let me off in broad daylight, so that every one can see me.»

«We will go to sleep now,» they said, «and when we wake up the kettle will be boiled»; and they lay down on the grass, and shut their eyes.

The Rocket was very damp, so he took a long time to burn. At last, however, the fire caught him.

«Now I am going off!» he cried, and he made himself very stiff and straight. «I know I shall go much higher than the stars, much higher than the moon, much higher than the sun. In fact, I shall go so high that — «

Fizz! Fizz! Fizz! and he went straight up into the air.

«Delightful!» he cried, «I shall go on like this for ever. What a success I am!»

But nobody saw him.

Then he began to feel a curious tingling sensation all over him.

— Да ни за что на свете! — воскликнула Ракета. — Я здесь гость, почетный гость, и только. Откровенно говоря, этот курорт кажется мне довольно унылым местом. Тут нет ни светского общества, ни уединения. По-моему, это чрезвычайно смахивает на предместье. Я, пожалуй, возвращусь ко двору, ведь я знаю, что мне суждено произвести сенсацию и прославиться на весь свет.

— Когда-то я тоже подумывала заняться общественной деятельностью, — заметила Утка. — Очень многое еще нуждается в реформах. Не так давно я даже открывала собрание, на котором мы приняли резолюцию, осуждающую все, что нам не по вкусу. Однако не заметно, чтобы это имело какие-нибудь серьезные последствия. Так что теперь я целиком посвятила себя домоводству и заботам о своей семье.

— Ну, а я создана для общественной жизни, — сказала Ракета, — так же как все представители нашего рода, вплоть до самых незначительных. Стоит нам где-нибудь появиться, и мы тотчас привлекаем к себе всеобщее внимание. Мне самой пока еще ни разу не приходилось выступать публично, но, когда это произойдет, зрелище будет ослепительное. Что касается домоводства, то от него быстро стареют и оно отвлекает ум от размышлений о возвышенных предметах.

— Ах! Возвышенные предметы — как это прекрасно! — сказала Утка. — Это напомнило мне, что я основательно проголодалась. — И она поплыла вниз по канаве, восклицая: — Кряк, кряк, кряк.

— Куда же вы! Куда! — взвизгнула Ракета. — Мне еще очень многое необходимо вам сказать. — Но Утка не обратила никакого внимания на ее призыв. — Я очень рада, что она оставила меня в покое, — сказала Ракета. — У нее необычайно мещанские взгляды. — И она погрузилась еще чуть-чуть глубже в грязь и качала раздумывать о том, что одиночество — неизбежный удел гения, но тут откуда-то появились два мальчика в белых фартучках. Они бежали по краю канавы с котелком и вязанками хвороста в руках.

— Это, вероятно, делегация, — сказала Ракета и постаралась придать себе как можно более величественный вид.

— Гляди-ка! — крикнул один из мальчиков. — Вон какая-то грязная палка! Интересно, как она сюда попала. — И он вытащил Ракету из канавы.

— Грязная Палка! — сказала Ракета. — Неслыханно! Грозная Палка — хотел он, по-видимому, сказать. Грозная Палка — это звучит очень лестно. Должно быть, он принял меня за одного из придворных Сановников.

— Давай положим ее в костер, — сказал другой мальчик. — Чем больше дров, тем скорее закипит котелок.

И они свалили хворост в кучу, а сверху положили Ракету и разожгли костер.

— Но это же восхитительно! — воскликнула Ракета. — Они собираются запустить меня среди бела дня, так, чтобы всем было видно.

— Ну, теперь мы можем немножко соснуть, — сказали мальчики. — А когда проснемся, котелок уже закипит. — И они растянулись на траве и закрыли глаза.

Ракета очень отсырела и поэтому долго не могла воспламениться. Наконец ее все же охватило огнем.

— Ну, сейчас я взлечу! — закричала она, напыжилась и распрямилась. — Я знаю, что взлечу выше звезд, выше луны, выше солнца. Словом, я взлечу так высоко... Пшш! Пшш! Пшш! — И она взлетела вверх. — Упоительно! — вскричала она. — Я буду лететь вечно! Воображаю, какой я сейчас произвожу фурор.

Но никто ее не видел.

Тут она почувствовала странное ощущение щекотки во всем теле.

«Now I am going to explode,» he cried. «I shall set the whole world on fire, and make such a noise that nobody will talk about anything else for a whole year.» And he certainly did explode. Bang! Bang! Bang! went the gunpowder. There was no doubt about it.

But nobody heard him, not even the two little boys, for they were sound asleep.

Then all that was left of him was the stick, and this fell down on the back of a Goose who was taking a walk by the side of the ditch.

«Good heavens!» cried the Goose. «It is going to rain sticks»; and she rushed into the water.

«I knew I should create a great sensation,» gasped the Rocket, and he went out.

THE END

— А теперь я взорвусь! — закричала она. — И я охвачу огнем всю землю и наделаю такого шума, что ни о чем другом никто не будет говорить целый год. — И тут она и в самом деле взорвалась. Бум! Бум! Бум! — вспыхнул порох. В этом не могло быть ни малейшего сомнения.

Но никто ничего не услышал, даже двое мальчиков, потому что они спали крепким сном.

Теперь от Ракеты осталась только палка, и она упала прямо на спину Гусыни, которая вышла прогуляться вдоль канавы.

— Господи помилуй! — вскричала Гусыня. — Кажется, начинает накрапывать... палками!
— И она поспешно плюхнулась в воду.

— Я знала, что произведу сенсацию, — прошипела Ракета и погасла.

КОНЕЦ